

Дарья Кузнецова

Я выбираю свободу!

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Тилль, целительницу из диких, война лишила улыбки и желания жить. У Бельфенора, светлого боевого мага, унижительный мир отнял родную землю и право умереть в бою – все, что у него оставалось.

Они были по разные стороны линии фронта и привыкли считать друг друга врагами. У них нет ничего общего – кроме этой войны. Две разбитые жизни, волею случая дополнившие друг друга сколами и трещинами и скрепленные вместе прихотью судьбы. Что им остается? Бороться с неожиданно вспыхнувшими чувствами? Или наконец поверить, что война кончилась?

Дарья Кузнецова

Я выбираю свободу!

Бельфенор Намиаль Маальт-эль из корней Серебряного Дуба

Статуя выглядела... странной. Я разглядывал ее и никак не мог понять, нравится мне это изображение или нет. Художник, безусловно, был талантлив, и скульптура казалась живым существом, с неизвестной целью припорошенным мраморной пылью. А вот с сюжетом возникали серьезные трудности.

Начать с того, что на изображение местного героя, которое должно было вызывать уважение и почтение, я глядел сверху, и уже это было дико. Да и в остальном образ казался... малоприятным. Или, вернее, малопонятным. Мужчина сидел на корточках, одет он был в потрепанную полевую форму, причем эффект потрепанности скульптор явно придал одежде намеренно, и с легким насмешливым прищуром глядел на зрителя снизу вверх. В зубах зажата папироса, которую он прикуривал от огонька в правой руке, прикрытого от зрителя и ветра левой ладонью. У ног лежал разворошенный вещмешок, на плече висела винтовка, в запечатленный художником момент упершаяся прикладом в землю. Что касается лица статуи... насчет портретного сходства я не уверен, поскольку лично с этим героем знакомства не водил, но на все свои изображения он походил и полностью соответствовал всем рассказам о себе. Резко асимметричная стрижка с переходом от выбритого левого виска к спадающим до плеча длинным прядям справа откровенно диссонировала с безукоризненно правильными аристократическими чертами лица. А еще – выставляла на всеобщее обозрение рваное левое ухо, украшенное дополнительно привлекающей внимание серьгой. Которая, кстати, на самом деле была серебряной, вставленной в каменное ухо статуи.

В конце концов я пришел к выводу, что каменная копия раздражает меня не меньше, чем покойный оригинал, и решил, что художник явно достоин похвалы уже за одно это. Но подобным «произведением искусства» я бы не украсил даже сортир для слуг.

– Ты, что ли, особо доверенный посланник и прочая, прочая? – раздался рядом недовольный женский голос, и я едва удержался от неприязненной гримасы. Адресована она была не неожиданной собеседнице, а окружению в целом. Местный слишком быстрый говор с раскатистым «эр», неразборчивыми «бэ» и «вэ» и неизменно мягкой «эль» всегда вызывал у меня ощущение, что собеседник то ли издевается, то ли слаб на голову.

Впрочем, последнее утверждение показалось особенно справедливым, стоило перевести взгляд на особу, привлекающую мое внимание. Это была... нищенка? Во всяком случае, первое впечатление говорило именно об этом, как бы дико это ни звучало. Хотя с местными ни в чем нельзя быть уверенным наверняка.

Взъерошенная копна волнистых черных волос (к счастью, хотя бы чистых), собранная в прическу, если можно применить это слово к подобному безобразию. Слева волосы заплели в несколько тонких косичек по направлению от лица к затылку, что создавало ощущение залысины, справа они свободно падали, перехваченные на уровне шеи несколькими витками обыкновенной бечевки. В ухе, кстати, поблескивала такая же серьга, как у статуи. Впрочем, как раз эта деталь вызывала меньше всего негативных эмоций: ушко было вполне изящным и даже красивым.

Узкое лицо тоже было красивым, только его обладательница относилась к собственной внешности откровенно наплевательски. Обветренные губы, впалые щеки и тени под глазами, выдающие любительницу «сладкого забвения» – весьма популярного в последние годы наркотического вещества. Из-за этих тусклых синяков и без того темные глаза странного фиолетового цвета казались двумя провалами. Эльфы, конечно, бессмертны и от «сладкого забвения» не умирают, но подобная дрянь сказывается даже на нас.

Женщина была одета в простое мешковатое платье из грубого полотна, едва прикрывавшее колени. На гибкой стройной фигуре даже оно смотрелось бы почти пристойно, если бы не заплатки в нескольких местах и грязь по подолу.

Но самое главное, что окончательно вывело меня из равновесия – она была босой. Узкие маленькие стопы совершенной формы покрывала пыль, и я все-таки не удержался от неприязненной гримасы. Как можно настолько себя запустить?!

А ведь, если абстрагироваться от одежды и вот этой небрежности и представить эту неизвестную мне особу прилично одетой, получится нечто весьма эффектное и даже удивительное. Необычные яркие глаза, точеные черты лица, изящная фигура... Да один цвет волос – редкий, черный в синеву – чего стоит! Пожалуй, такой красотой не пренебрег бы и сам Владыка. Откуда она тут только взялась? И почему никто до сих пор не догадался взять за шкуру и как следует прополоскать это недоразумение в каком-нибудь водоеме, приводя в порядок? Никто не позарился и не пожелал разглядеть цветок под слоем мусора? Впрочем, не удивлюсь, если обитателей местного свинарника все устраивает и так.

Определенно, уничтожение подобной клоаки казалось достойной целью. Жалко, что все вышло именно так, как вышло.

– Что тебе надо? – спросил я. Получилось, к счастью, вполне ровно и даже нейтрально. Откровенно выказывать неприязнь даже к такому... позору вида – все же неприлично.

– Мне? – Нищенка вскинула брови, смерила меня взглядом. Взгляд был вызывающе-насмешливым, даже почти надменным, и принадлежал он полностью уверенной в себе и довольной своим положением эльфийке, а никак не несчастной оборванке. – Мне давно от вас ничего не надо, я уже получила все, что хотела. Это ты притащился стелить коврик для своего Владыки.

– Коврик? – переспросил я.

– Ну, умолять, стоя на коленях в пыли, это же так неэстетично, – язвительно фыркнула она.

– Еще одно слово в подобном тоне... – подчеркнуто холодно начал я, но женщина оборвала меня:

– Привыкай, светленький. Это – самый дружелюбный тон, на который вы можете здесь рассчитывать после того, как мы вас нагнули и хорошенько... выпороли, – рассмеялась она, и я с трудом удержался, чтобы не схватить ее за горло. За тонкую изящную шею, которую вполне мог сломать одним движением и даже, наверное, одной рукой. – Валек может миндальничать и следовать этикету, он вообще слишком добрый, а больше ни от кого ты другого обращения не дождешься. Еще скажи спасибо, что я согласилась потратить на тебя свое время и поработать экскурсоводом. И что согласилась именно я, а не кто-то из ребят, предлагавших радикально решить проблему вашего существования и основательно прополоть грядку под Великим Древом.

Я на мгновение прикрыл глаза и постарался взять себя в руки, призвать к порядку беснующеся внутри пламя. Задевали не столько ее слова, сколько общая ситуация, которую

оборванка сейчас олицетворяла. Хотелось свернуть ей шею как кролику и сжечь дотла весь этот грязный обшарпанный город, но – такой возможности и такого права я не имел. Как ни противно это сознавать, женщина говорила правду. И, наверное, имела право злорадствовать. Они все имели на это право, потому что победили. Мы начали эту войну, желая стереть их с лица мира, а они – прекратили войну, едва не стерев нас. Это... унижительно.

Унижительной казалась вся эта поездка, унижительным казался этот мир. Многие – и я среди них – предпочли бы умереть, но не видеть такого финала. Они дошли почти до самого сердца Светлого Леса, до Великого Древа. Владыка решил склонить голову, принять позорный мир, признать границы там, где дикие требовали изначально, и за эту гибкость его можно уважать. Можно, но у меня не получалось. Наверное, именно поэтому он – Владыка, а я просто вынужден до конца исполнить свой долг, следуя присяге. Как обычно.

Мелькнула злорадная мысль, что главное унижение – принародное, подлинное – ждет как раз самого Владыку, и это помогло смирить гнев. Потерплю. В конце концов, недостойно Перворожденному впадать в ярость из-за нескольких слов какой-то... убогой. Недостойно, но в моем случае очень трудно сдержаться. Хороший маг огня – плохой дипломат и политик.

– Спасибо, – процедил я.

– Не за что, – ухмыльнулась светлая. – Ладно, пойдем, что ли. Покажу, где вам предстоит обитать. Сколько там жертвенных баранов намечается? – уточнила она. – Ну то есть, кроме тебя и твоего начальника кто-то еще будет, или, как обычно, все решили самоустраниться?

– Семеро, как и было оговорено. Владыка и Круг Силы.

– Ишь ты, какой Валек молодец, пробил-таки! – проговорила она, восторженно присвистнув. Свист получился резким и пронзительным, к тому же прозвучал прямо над ухом, так что я поморщился. – Ладно, звать-то тебя как, убогий?

– Фель, – вскользь бросив на нее взгляд, коротко ответил я.

– Что, и все? – Нищенка удивленно вскинула брови. – А как же всякие «несравненный», «древний» и «первородный»?

– Если ты называешь Валлендора «Вальком», меня непременно постигнет та же участь. Так пусть хотя бы кличка будет благозвучной, – отозвался я, стараясь не глядеть в ее сторону и по возможности дышать неглубоко. Вблизи оказалось, что от женщины ко всему прочему сильно и крайне неприятно пахнет не то гнилой кровью, не то человеческим потом, не то лошадьми, не то вовсе – навозом и какими-то прелыми травами. А, может быть, всем понемногу.

– Какой догадливый, – со смешком похвалила она. – Что ж тебя, такого умного, вперед послали, не пожалели?

– А есть разница? – Я насмешливо вскинул брови.

– Мне любопытно.

Ответить на этот вопрос я не успел. Понятно, откровенничать с грязной нищенкой не собирался, но даже съязвить мне не дали. Чуткие уши уловили какие-то крики и возгласы, доносившиеся, кажется, с соседней улицы. Проводница замерла, настороженно вскинувшись и прислушиваясь, потом ускорила шаг, явно направляясь к ведущему в ту сторону переулку. Окликать и уточнять, что происходит, я посчитал ниже своего достоинства и просто последовал за ней: мертвые камни, из которых сложен этот город – совсем не лес, в котором любой эльф легко найдет дорогу. Впрочем, если бы это был лес, ничего бы не изменилось, я все равно не знал, куда лежит наш путь.

Город, построенный на человеческий манер, душил. Под ногами не чувствовалось

земли – лишь камни мостовой. Вокруг почти не попадалось зелени – лишь невысокие каменные дома с покатыми черепичными крышами. Нет, деревья встречались, а дома не жались друг к другу вплотную, как это часто происходит в человеческих городах, но они своим количеством, скорее, подчеркивали чуждость этого места эльфийской природе. В высоком небе кружили вороны, их здесь развелось великое множество, в закоулках и под кустами ощущалось навязчивое присутствие крыс – и на этом неразумные обитатели заканчивались, что тоже не поднимало настроения.

Когда мы быстрым шагом дошли до угла, навстречу вылетело нечто мелкое и чумазое, больше всего похожее на чахлого голема или земляную элементарь. Оно увернулось от столкновения, намереваясь продолжить начатый путь, но проводница ловко перехватила беглеца поперек туловища. При ближайшем рассмотрении сгусток грязи оказался человеческим ребенком, воняющим, как... как люди. Но мою спутницу это не смутило.

– Вадик, что случилось? – уточнила она. Ребенок перестал сопеть и выдираться, вскинул на светлую взгляд – и зареванная грязная физиономия просияла щербатой улыбкой. Насколько я помню, зубы у людей меняются быстро, лет в семь. Они вообще взрослеют примерно в два раза быстрее, чем Перворожденные.

– Тилль! Как здорово, что это ты! Там Машка, она... в общем... змей... а крыша... мы нечаянно! – так и не сумев толком ничего объяснить, мальчишка разревелся.

– Пойдем, – решительно кивнула эльфийка, перехватывая детскую ладонь, и через плечо бросила взгляд на меня. Кажется, просто чтобы удостовериться в наличии. Ничего не сказав, двинулась туда, откуда прибежал человек, и мне вновь пришлось идти следом.

Шум усиливался. Место происшествия удалось легко определить по небольшой встревоженной толпе, собравшейся вокруг, разношерстной и пестрой. Перворожденные, люди, лохматые полузвери, несколько коротышек, даже пара монументальных орочьих фигур, возвышающихся над улицей. Но мне удалось сохранить невозмутимое выражение лица; наверное, начал привыкать к внешнему виду здешнего населения.

– Тилль! – Первым мою спутницу заметил высокий юноша, выделявшийся из толпы в лучшую сторону: он единственный напоминал Перворожденного не только чертами лица, но и общим достоинством, и одеждой.

Появлению нищенки он так обрадовался, будто меня сопровождала сама Тана, покровительница жизни и целителей, которую часто называли Матерью-Природой. Имя облегченным вздохом прокатилось по кучке разумных и отразилось в глазах надеждой.

Да что у них там случилось и чем им может помочь оборванка?

Впрочем, стоит признать, что нищенкой свою проводницу я называл уже машинально. Здесь вообще, даже среди Перворожденных, попадалось очень мало прилично одетых разумных существ, и на общем фоне Тилль не выделялась. Почти все присутствующие сверкали босыми пятками, а одежда была латаная-перелатаная. Нищета казалась всеобщей, подавляющей и оттого еще более омерзительной.

Присутствующие расступились, и нашим глазам предстала удручающая картина: на выщербленной брусчатке лежала человеческая девочка чуть старше Вадика. Наверное, та самая Машка. Над ней, что-то бормоча, стояли на коленях двое блохастых гризов, а рядом сидела, держа девочку за руку, совсем юная Перворожденная и шептала что-то утешительное, торопливо утирая собственные слезы рукавом. Еще двое детей – эльф и звереныш – в голос рыдали на широкой груди пожилой гномки, которая была ненамного выше их. Та сокрушенно качала головой и без разбора гладила лохматые макушки, белую и рыже-бурую.

– Пригляди, – бросила Тилль в сторону, передавая ребенка первому попавшемуся взрослому, которым оказалась молодая орчанка. Зеленокожая молча подхватила мальчика на руки. Впрочем, с ее ростом и габаритами она не только саму нищенку подняла бы без труда, но и меня – тоже.

Вблизи картина происшествия прояснилась. Похоже, девочка полезла на крышу за воздушным змеем, чьи яркие крылья трепетали сейчас около конька под легким ветерком. Но старая черепица не выдержала веса даже такого тщедушного тела, и Машка сорвалась вниз. Зачем, спрашивается, вообще лезла, с человеческой-то ловкостью? А, вернее, полным ее отсутствием.

Девочка еще была жива, но вот шансы на выздоровление у нее отсутствовали. Я не целитель, но даже мне стало понятно, что у нее раздроблен таз и наверняка поврежден позвоночник. Даже странно, что она все еще не потеряла сознания; наверное, эльфийка с блохастыми уняли боль и остановили кровь.

Тилль торопливо опустилась на колени рядом с изломанным телом.

– Марьяна, ну как же так? – мягко проговорила она, кладя узкую ладонь на детский лоб. – Сколько вам можно твердить: осторожнее со старыми домами!

– Крыша выглядела крепкой, – прозвучал в ответ слабый голос.

– Матери скажу, будешь до совершеннолетия в углу стоять, – проворчала Тилль. – Вот выдерет так, чтобы сесть не могла, и в угол поставит. Или лучше к себе тебя заберу, чтобы некогда было на глупости отвлекаться.

Почему-то ее слова никто не посчитал грубой насмешкой, и через мгновение я получил ответ на свой невысказанный вопрос. Ответ, которому поначалу просто не смог поверить.

Лицо обдало прохладным ветром, пахнущим тополями после дождя и прелой листвой; именно так я всегда ощущал магию жизни и смерти. Слышать эти два запаха одновременно приходилось всего несколько раз, когда кто-то из старших целителей выводил меня из-за самой Грани.

Босая оборванка с изможденным лицом наркоманки оказалась целительницей настолько высокого уровня, что сам Владыка не погнушался бы обратиться к ней за помощью и поклониться в пояс. Я наконец-то пригляделся внимательнее к ее тусклой ауре и вдруг понял, что круги под глазами – последствия не «сладкого забвения», а хронического магического истощения. Что должна была сделать магичка такого уровня, чтобы довести себя до подобного состояния, попросту невозможно представить.

А Впрочем, зачем ходить далеко? Вот же наглядный пример. Сила щедро вливалась в тщедушное тельце бесполезного существа, которое казалось куда проще добить: все равно люди плодятся как тараканы, и потеря еще одного не стала бы трагедией. Подобное расточительство сложно не то что принять – понять, и я в молчаливом недоумении наблюдал, как не только наливаются краской бледные чумазые щеки, но заживают малейшие царапины и ссадины на коже. Силы Тилль не жалела и не берегла. Если она всегда так действует, удивительно, что до сих пор жива, несмотря на потенциальное бессмертие Перворожденных.

– Улук, отнеси, пожалуйста, ее домой и передай матери, пусть пару дней не дает вставать, – не поднимаясь, обратилась целительница к орку. В его лапах тощая девчонка выглядела как дохлая курица, вот только держал свою ношу здоровяк до странности бережно.

Тилль начала подниматься и пошатнулась. Ее подхватил под локоть один из блохастых, и эльфийка поблагодарила за помощь кивком. Вновь поднялся гам, на этот раз – радостный и

благодарный, каждый норовил обнять целительницу или погладить по плечу или волосам. Считается, что прикосновение к работающему или только закончившему сложную работу и не избавившемуся от остаточного магического фона целителю дает прикоснувшемуся защиту и удачу во всем, что касается здоровья. Суеверия живучи, но я представлял себе, какая удача ожидала идиота, возжелавшего пощупать, например, Иллиналь, тысячелетнюю верховную целительницу Светлого Леса. А эта только улыбалась устало, кивала, коротко отвечала на какие-то вопросы и продолжала держаться за локоть хмурого полузверя, с неодобрением глядящего на пошатывающуюся от усталости Перворожденную.

Зверь был матерый, молодой и сильный; из тех, что способны разорвать двухлетнего быка голыми руками. Смертоносные когти привлекали взгляд глянцевитым блеском черной, будто полированной поверхности, короткие «усы» раздраженно топорщились на жутковатой морде – не то человеческой, не то волчьей, не то медвежьей. Небольшие острые прижатые уши полностью терялись в лохматой бурой гриве, а длинный прямой хвост раздраженно подергивался. Требовалось постараться, чтобы не заметить его раздражения.

Интересно, долго он еще будет терпеть такую фамильярность и служить подпоркой? Насколько я знал обычаи блохастых, тактильные контакты с посторонними их чудовищно раздражали, исключение делалось только для брачных партнеров и детей до определенного возраста.

Впрочем, я опять не угадал, но на этот раз уже не удивился подобному повороту дел.

– Да разойдитесь вы, оставьте девочку в покое, – в конце концов раздраженно осадил гриз увлекшихся жителей. Странно, но те опомнились сразу, даже начали торопливо извиняться, и толпа очень быстро разошлась. Правда, сам блохастый уходить не спешил, наоборот, осторожно приобнял целительницу свободной лапой. Тилль с блаженным вздохом уткнулась лицом в густую шерсть на груди полузверя, крепко обняла его обеими руками.

Кхм. Стало быть, они *настолько* не посторонние? Странно, я раньше думал, это все бредни, и блохастые с другими разумными видами физиологически несовместимы.

А еще полагал, что сильнее презирать местных уже некуда.

– Спасибо, Шир, – невнятно проговорила целительница.

– Тилль, тебе так не терпится за Грань? Когда ты последний раз отдыхала? – укоризненно вздохнул зверь.

– Нет, ну а что? Я там бывала, там хорошо... Тихо, спокойно, никто не норовит разбудить среди ночи, – со смешком возразила эльфийка, а ее собеседник только раздраженно рыкнул в ответ, вздыбив холку. – Не сердись, я же шучу.

– Смотри, услышат духи твои шуточки, – укоризненно качнул головой полузверь. – А этот тут зачем? – мрачно поинтересовался он, недобро сверкнув на меня желтыми глазами. Я даже не шелохнулся – точно знал, что его взгляды, когти и клыки не помогут.

– Ну как же? Забыл, сегодня к вечеру светлые притащатся просить пощады? – пояснила Перворожденная и отстранилась, кажется, только теперь вспомнив о моем существовании.

– Давай я вырву ему горло, а Валлендору скажем, что это самооборона? – угрюмо предложил блохастый, и шутки в его словах не было ни на волос.

– Шир, ну что ты как мальчишка, – отмахнулась женщина, потрепав его по щеке. Зверь только недовольно дернул ушами, и даже я понял: раздражало его не фамильярное прикосновение, а слова. – Ладно, пойдем мы, еще дел невпроворот, а время... сам знаешь.

Окончательно поставив меня в тупик относительно их взаимоотношений, полузверь погладил Тилль по щеке, коротко лизнул в лоб, выпустил из объятий и, не оглядываясь,

направился прочь по улице.

– Ну что, болезный, пойдем, – целительница усмехнулась, окинув меня взглядом, и мы вернулись в тот же переулок.

– Почему ты ходишь босиком? – все-таки не удержался я от вопроса.

– Потому что у меня нет лишних денег на сапоги, – совершенно спокойно ответила она.

– У целителя такого уровня? Нет денег? – уточнил я, вскинув брови. В ответ оборванка смерила меня полным жалости и насмешки взглядом.

– Ты еще спроси, что целитель такого уровня делает в этом месте.

– И что же? – спросил, впрочем, догадываясь об ответе.

– Свою работу. Сейчас – именно свою работу, – проговорила она с усмешкой, но взгляд оставался странным, пустым. – Не решаю, кому жить или умереть в зависимости от высоты родового древа или количества золота в руках, а просто помогаю тем, кому это нужно.

– Но лечить человека? – поморщился я. Она неопределенно хмыкнула, передернув плечами, а потом тихо заметила:

– С высоты своего жизненного опыта могу заметить, что люди порой достойны помощи гораздо больше, чем некоторые... Перворожденные.

– Может, вы еще и разбавите человеческой свою кровь?

– Лучше так, чем довольствоваться застывшей болотной жижей. – Спутница вновь устало пожала плечами. – Но, надеюсь, ты изучал в детстве биологию и знаешь, что появление полукровок невозможно даже теоретически, все-таки мы – представители разных видов. Ну вот и пришли.

– Что это? – уточнил я, с неприязнью разглядывая фасад здания. Его отделял от улицы небольшой запущенный сад, и это был плюс. Единственный плюс. Угрюмая каменная коробка щерилась на мир небрежно заколоченными окнами. Когда-то дом, наверное, выглядел как весьма роскошный особняк, но теперь невозможно было даже определить изначальный цвет выгоревшей и обшарпанной штукатурки. Колонны, поддерживающие балкон второго этажа, облупились, а две крайних слева вовсе треснули и грозили рухнуть. Левое крыло выглядело особенно жалким и держалось на честном слове, кажется, пострадало, когда под городом шли бои. Полагаю, с тех пор здесь никто не жил.

Внутрь заходить не хотелось. Подозреваю, там ситуация еще плачевней.

– Посольство, – не без ехидства откликнулась она.

– А вы не могли привести это... в относительно жилой вид? – уточнил брезгливо.

– Тебе рассказать, где находится большинство наших специалистов-вещевиков, или сам припомнишь? – скучающим тоном уточнила Тилль. – А те, кто остался жив, слишком заняты более важными вещами, чем обеспечение комфорта горстке бледнорылых.

Мне осталось только промолчать. В прошедшей войне вещевики ценились как хорошие боевые маги и даже выше. Заставить боевого мага служить против воли слишком трудно, чтобы ставить это дело на поток, а магия и воля вещевиков – она другая. Пластичная. Покорная.

Правда, вещевики в итоге все же нашли способ избежать плена: уходили за Грань, когда понимали, что попались. Все уходили, не только короткоживущие люди – практичные гномы, даже Перворожденные предпочитали уйти, чтобы не делать для врагов оружие.

Все дело, конечно, в нем и только в нем, а не в умении предметников договариваться с неживой материей. Длинные тонкие стволы винтовок и тяжелые острые пули, испещренные рунами, – артефакты, придуманные пару веков назад не то темными, не то гномами, не то

нашими умельцами. Крошечный и крайне дорогой из-за сложности изготовления кусочек металла, способный отправить за Грань даже бессмертного.

Я хорошо знал ощущение, когда острая головка пули вгрызается в тело и собственная кровь будто превращается в очень злое пламя, жаждущее сожрать твои потроха. Из меня таких за время войны достали шесть шгук, а пару вымазанных моей кровью и прошивших меня насквозь я сам выковырнул из дерева и стены. Был бы сентиментален до такой степени, чтобы носить на груди как амулет, можно было бы собрать целое ожерелье.

Боевые маги – основная мишень снайперов, но я оказался феноменально везучим. Или невезучим, учитывая мое нынешнее положение?

– Могу выдать ковриков на всех; вы же любите деревья, поспите на открытом воздухе, – продолжила ехидничать проводница.

– Грязных и с блохами? – уточнил, не глядя в ее сторону.

– Как догадался?

– А что еще можно найти на этой помойке, – пожал я плечами.

– Все лучшее – гостям, – приторным тоном пропела собеседница. – В общем, в перемещениях тебя никто не ограничивает, но помни, что светлых здесь не любят. Очень не любят, – напутствовав меня таким образом, она вознамерилась уйти, но я все-таки окликнул и задал еще один вопрос:

– Почему – Тилль?

– В юности прозвали. За смешливость, – после короткой паузы отозвалась она и ушла, а я остался один перед полуразрушенным домом среди заброшенного сада.

Тилль в переводе на всеобщий ^[1] – колокольчик. А еще так зовут звонкую яркую пичужку, приносящую весну.

Давно, видать, была та юность...

Некоторое время я еще постоял, ни о чем не думая, а потом сосредоточился на деле. Я – стихийник с серьезным перекосом в боевое направление, и починить дом не смогу, но на уборку меня хватит. Будем надеяться, что здание после этой процедуры не рухнет. С другой стороны, пусть оно лучше рухнет сейчас, чем обрушится на головы обитателей некоторое время спустя.

Тилль

Эльф был... светлый. Настолько светлый, что натурально захотелось запить это зрелище орочьей полынной настойкой. Полфляги вылить в себя, вторую половину – ему на голову, чтобы хоть немного разбавить цветовую гамму. И вообще, говорят, светлым идет зеленый.

Снежно-белые волосы – причем действительно «снежно», они даже искрились на солнце – на лбу были прижаты узкой полоской расшитого хайратника, не дающего им лезть в лицо, и дальше свободно спадали по плечам где-то до талии. Безупречные черты лица – прямой нос, волевой подбородок, красиво очерченные губы, брови вразлет – несли явный отпечаток недовольства окружающим миром. Проще говоря, губы были слегка поджаты, брови – нахмурены. Да и вся поза выражала презрение, если не отвращение. Не думаю, что провинилась только статуя, которую этот тип разглядывал; скорее, его раздражал весь город. И его жители, конечно. Светлый же, тут долго думать не надо, чтобы предсказать реакцию!

Безупречно белая рубашка с расстегнутым воротом и свободными рукавами, на вид новые узкие коричневые штаны и начищенные до зеркального блеска сапоги – все

присутствовало на положенных местах. Я пробежалась взглядом по фигуре засланца и с некоторым удивлением отметила несоответствие реальности ожиданиям. Странность заключалась в том, что светлый был... матерым, не знаю уж, как еще кратко выразить общее впечатление. Опытный, взрослый, не только самоуверенный, как они все, но – небезосновательно уверенный в себе. Это угадывалось и по лицу, если приглядеться, но по фигуре читалось гораздо отчетливей.

Я, признаться, ожидала, что пришлют какого-нибудь мальчишку, или форменного неудачника и всеобщее посмешище, или, напротив, какого-нибудь хищника от дипломатии, который и сам забыл, когда его лицо отражало эмоции, не приличествующие случаю. А этот, похоже, был воином.

Приглядевшись к ауре ожидающего эльфа, я удивленно вскинула брови и качнула головой в такт своим мыслям. Воином, да еще каким! Аура полыхала так, что смотреть больно. Стихийник с уклоном в пламя, то есть – настолько боевой маг, насколько это вообще возможно, да и силой его боги не обделили.

Я пригляделась к лицу внимательней, пытаюсь вспомнить. Мы наверняка где-то да встречались, такой не мог всю войну просидеть, держась за рукав Владыки. Но – бесполезно, память оказалась бессильной. Никаких запоминающихся черт лица, типичный светлый. Типичный прекрасный светлый, как их только не тошнит от собственной всеобщей безукоризненности?

Только идиоты думают, что эльфы помнят все: не могла наша прародительница обречь нас на столь страшную участь, за что ей большое спасибо. Умение забывать – едва ли не единственный способ выдержать вечную жизнь.

Но мне уже всерьез стало интересно, почему светлые прислали именно его. Уж не хотят ли устроить какую-нибудь диверсию? Владыка, понятно, настроен на мир – он как угодно готов унижаться, лишь бы сохранить свою светлую задницу – но все ли с ним согласны?

Отвлечшись на несколько мгновений от пришлого, я окинула взглядом окружающее пространство.

Никогда не любила это место – Портальную площадь. Вернее, раньше оно мне было безразлично, но в последние годы я старалась его избегать. Да, честно говоря, не только его: меня нервировали открытые, хорошо просматривающиеся пространства, окруженные возвышенностями. Но в данном случае имелись другие мотивы, никак не связанные с военными привычками и профессиональной деформацией.

Я не любила эту выщербленную брусчатку. Не любила полуразрушенные арки порталов в центре – они в таком виде напоминали изломанную грудную клетку какого-то полусгнившего существа. Обломанные колонны дугами ребер торчали из груды прочих останков, грозя небу рваными сколами. И единственная целая арка, совсем недавно восстановленная, на этом фоне выглядела особенно жалко и убого, как жалко и убого выглядит оправдание проигравшего кампанию и положившего армию командира: «Зато я выжил».

Через пару лет это место, наверное, будет выглядеть совсем иначе. Наверное, даже красиво. Я на это надеюсь, вот только... получится ли забыть нынешний трупный вид площади? Забывать эльфы умеют, но некоторые обрывки воспоминаний продолжают настойчиво скрестись в черепе и за грудиной. Как назло, все они из числа тех, которые и хотелось бы забыть, да не получается.

Пока я стояла в стороне, порталышки, выполнив свою работу, ушли с площади. Похоже,

гость этот пока был единственным, остальные собирались явиться вечером, так что оставалось брать, что дают. Я последний раз глубоко затянулась, докуривая папиросу, затушила между пальцами и бросила окурок в мятую старую урну, каким-то чудом пережившую все злоключения города. Подмигнула и послала воздушный поцелуй старой часовой башне, стоящей на краю площади, после чего решительно двинулась к эльфу.

Башня выглядела ровно как та урна – мятая, облупленная, но живая. Весь город выглядел так же, да и его обитатели, пожалуй, тоже. Часы на башне давно уже стояли, и пока она выполняла только свою основную функцию – фокусировала магические поля для облегчения работы порталов. Вернее, портала. Он пока тоже был один.

Сегодня башне предстояло послужить на пользу города и в другом качестве: там дежурил снайпер. С позиции как на ладони открывались площадь, улица, по которой мне предстояло провожать светлого, и даже бывшее здание посольства темных, куда планировали сейчас поселить его со товарищи. Потому, собственно, и планировали, что все подходы просматривались всего с двух точек и не надо было держать на стреме лишних стражей.

Светлые, конечно, пришли заключать мир, только в общении с ними перестраховка никогда не лишняя.

Здание посольства, к слову, поставили здесь сами темные в качестве официального представительства на здешних землях. Во время войны всех его обитателей, разумеется, эвакуировали, и с тех пор здание пустовало. Но чем боги не шутят, может, сюда когда-нибудь вернуться темные? Они вроде бы относились к Красногорью лояльно и были настроены на дипломатический контакт.

Вблизи первое впечатление, произведенное белобрысым, подтвердилось. Действительно – боевой маг с большим опытом: слишком хорошо он себя контролировал для огневика такой силы. А магия у него буквально из ушей текла, даже глаза оказались вишневыми – зримое проявление силы. Глаза все-таки отражают душу, и когда половина этой души состоит из магии какого-либо одного рода, это не может не наложить отпечатка, по цвету глаз порой можно отличить сильного мага от всех остальных. Не всегда, конечно, потому что некоторые цвета вполне нормальны и могут возникнуть естественным путем, но красные глаза попадают только у огневиков.

Еще у меня порой бывают от недосыпа, но это немного другая ситуация.

Увы, собеседник оказался не только сильным, но и достаточно сообразительным, и полного своего имени не назвал. Расстроило меня это не столько упущенной дополнительной возможностью поддеть беловолосого зануду, но главным образом утерянным шансом наконец-то вспомнить личность пришельца. Полное имя могло прояснить ситуацию, но – увы. А, впрочем, сегодня вечером в любом случае узнаю, на официальном мероприятии его наверняка назовут. Это я давно уже обхожусь прозвищем, а светлый... да он скорее застрелится!

Появления Вадика и падения его сестры с крыши при составлении плана, увы, никто предусмотреть не мог, как не могла и я пройти мимо, поэтому пришлось немного отклониться от маршрута. И от данного себе обещания сегодня не магичить. Есть такая старая человеческая поговорка: «От работы кони дохнут». Интересно, у меня получится доказать, что эльфы не родственники лошадям, или наоборот?

Полбеда, что я опять выложились, главное, умудрилась напрочь забыть о присутствии рядом светлого. Расслабилась, совсем бдительность потеряла! Работа до потери сознания оказалась не таким уж надежным средством от хандры и отупляла почему-то совсем не

тогда, когда это требовалось.

Пока я приходила в себя, подпитываясь добровольно отданной силой Шира, успела мысленно посочувствовать тому, кто сейчас дежурил на башне. Он ведь видел, как Марьяна полезла на эту проклятую крышу. Видел, но не мог ничего изменить, не мог оставить пост. Может, даже связался с командиром и позвал на помощь, только на его состоянии это вряд ли могло как-то сказаться.

Самое отвратительное ощущение, когда ты все видишь, все чувствуешь – а изменить ничего не можешь. Не так страшно, если просто не хватает сил и способностей, здесь можно утешить себя тем, что сделала все, что могла. А вот когда в дело вмешиваются присяга и приказ...

Отгнав ненужные мысли и заставив себя вспомнить, что сама сейчас заставляю «кукушку» дополнительно нервничать, отстранилась от Шира. Хватит.

Гризы – необычные существа. Мне всегда было интересно, кто из богов приложил руку к их созданию, потому что никто не признавался. Такое впечатление, что они самозародились на каком-то витке истории в глухих и диких дебрях Древнего Леса.

Они настолько стайные, что физически не способны долго жить в одиночестве: незамкнутые энергетические каналы вынуждают этих сильных звероподобных разумных существовать тесными общинами, потому что только так возможен постоянный энергетический обмен, необходимый им для выживания. Они могут на короткое время замыкать собственное поле, но это равносильно удержанию большого веса в вытянутой руке. Сколько-то можно потерпеть, но рано или поздно настанет момент, когда мышцы устанут и рука опустится.

Собственно, поэтому гризы и не выносят близких контактов. Когда кто-то прикасается, вторгаясь в это самое поле, держать его закрытым гораздо тяжелее, не у всех получается. Увы, представители других видов не могут дать им что-то взамен, зато усвоить их собственную энергию способен любой мало-мальски приличный маг. От уничтожения и повышенного внимания последних мохнатых спасают немногочисленность, обособленность и низкий энергетический потенциал: мало-мальски приличному магу сила гриза и даром не нужна, это как один лист на старом дереве. А вот всяким несознательным целителям такое подспорье бывает очень кстати, и Шир об этом знал, не просто же так полез обниматься!

У нас с лохматым странные взаимоотношения. Я старше него не на годы – в разы, но при этом он относится ко мне с покровительственной снисходительностью. Кажется, считает меня кем-то вроде одного из своих щенков и потому по возможности опекает. Смешно, но... приятно.

Проводив Феля до места назначения и убедившись в очередной раз, что светлые не способны удивить меня своими взглядами на жизнь, прошла немного назад вдоль улицы и остановилась в тени одного из деревьев, чтобы понаблюдать за действиями мужчины и еще раз попытаться вспомнить, где я все-таки его видела?

Светлый стоял, и я тоже стояла, машинально ощупывая карманы. Достала старый мятый портсигар – под слоем патины и гари сложно было определить изначальный цвет металла – и заглянула внутрь. М-да. Какая неприятность. Вытряхнув на ладонь одинокую папиросу, пообещала себе сегодня же накрутить еще. Отличное медитативное занятие, которое совсем не требует магии – то, что нужно для отдыха!

Правда, тут же вспомнила, что сегодня намечаются судьбоносное пришествие, подписание капитуляции и большой праздник в честь всего этого, и с неудовольствием

проводила взглядом светлого, наконец-то сдвинувшегося с места и скрывшегося за густым бурьяном. Несправедливо. Мы вроде бы победили, так почему я из-за этого должна страдать?

Сплюнув под ноги, все-таки покинула наблюдательный пункт и направилась в сторону правления для оказания моральной поддержки Вальку, на ходу прикурив от дрожащего в пальцах робкого огонька. Это один из немногих фокусов, которым я сумела научиться у стихийников, на большее моих способностей не хватало. Очень полезная способность: без курева можно и обойтись, а вот развести костер после двух недель проливных дождей – уже искусство.

– Тилль! – буквально через полсотни шагов окликнул меня знакомый голос. Я тоскливо скосила взгляд на папиросу в руке, прикидывая, куда бы ее срочно спрятать и как побороть собственную жадность – все-таки последняя! Правда, через мгновение недовольно одернула себя и обернулась как есть, даже справилась с рефлекторным порывом спрятать дымящую сигарку за спину. В конце концов, я взрослая самостоятельная женщина, давно уже живущая своим умом, а не неразумный подросток, застигнутый строгим папашей за недозволенным занятием! И вообще, я имею право на маленькие слабости. У меня, в конце концов, стресс. Перманентный. Уже давно.

Да и... бесполезно, честно говоря. Он все равно как-то чувствует.

Позор на мои седины, но именно последний аргумент был решающим.

– Привет, Коля, – кривовато улыбнулась я подошедшему мужчине. – Какими судьбами?

– Сообщили, что девочка с крыши упала, я побежал оказывать помощь, но на месте выяснил, что припозднился. Тилль, ну что это? – Он укоризненно нахмурил брови, недвусмысленно указав взглядом на папиросу. – Опять намешала всякой дряни?

– Я бессмертная, мне можно, – огрызнулась для порядка, но взгляд ясных голубых глаз стал настолько укоризненно-проникновенным, что в душе поднялось чувство протеста и стыда.

Вот как он это делает, а? Я каждый раз в такие моменты подозреваю его в применении ментальной магии, но люди на нее от природы не способны.

Коля, он же Николай Колос, тип настолько колоритный, что второго такого во всем Зеленотравье – как называется наш мир в переводе с эльфийского на всеобщий – не сыщешь. Два метра ростом, плечи шириной в две меня, пальцами может гнуть стальные прутья, а завершает образ гладко выбритый череп с выступающими надбровными дугами. Если показать его, к примеру, Фелю, тот скорчит морду куриной гузкой и назовет Колоса тупой обезьяной. В лучшем случае.

А между тем Коля – редкий умница, человек с золотыми руками и сердцем из лунного камня^[2]. Боги обделили его при рождении магией, но это не помешало ему стать Целителем с большой буквы. С куда большей, чем я, потому что я – дура с большим резервом, а он – гений вовсе без оного.

Сильный маг-целитель может затворить любую рану, но на это требуются силы. Хорошо, когда кругом мир, благоденствие и процветание – тогда нет нужды в экономии. А вот когда целителей мало, и те, что есть, падают от истощения, руки и светлые головы таких, как Колос, спасают жизни и пациентам, и магам. Потому что одно дело – магией заставить кость вернуться в исходное положение, свести ткани, остановить кровь, соединить сосуды, и совсем другое – заживлять уже чистую, промытую, выправленную рану или ассистировать подобному специалисту, унимая боль пациента и удерживая кровотечение, расходуя силу строго дозированно, по чуть-чуть.

И это не говоря о том, что Николай – человек очень добрый и сострадательный. В той степени, что у меня порой складывается ощущение: Колос надо мной издевается. Потому что в этом пропитанном кровью до раскаленного нутра мире такое светлое существо просто не могло появиться на свет.

– Глядя на тебя, я в этом сомневаюсь, – вздохнул он и качнул головой. – Опять выложились?

– Я же не знала, что ты на подходе, – виновато поморщилась я. – А ты меня целенаправленно искал или это случайно получилось?

– Что-то среднее, – белозубо улыбнулся он. – Мне сказали, в какую сторону ты пошла, и я решил сделать небольшой крюк, чтобы попробовать пересечься и поинтересоваться твоим самочувствием.

– Да хорошо я себя чувствую, что ты как насадка, – раздосадованно вздохнула. – Я уже достаточно большая девочка. И вообще, сегодня-завтра отдыхаю, выходные у меня.

– Я заметил, – иронично хмыкнул Колос. – Откуда такой неожиданный эгоизм?

– Надо же иногда отдыхать! – проворчала в ответ.

– Дай угадаю, – не поверил Николай. – Валлендор все-таки не выдержал немого укора в твоих чудесных глазах, контрастно оттененных синяками?

– Все-то ты знаешь... Сказал, чтобы меня не было на рабочем месте на расстоянии выстрела, и обещал проконтролировать. А ты сейчас обратно в госпиталь? – уточнила тоскливо.

Колос состоял в военном госпитале – единственной на данный момент действующей больнице города – главным целителем. То есть номинально – моим начальником. Немного неожиданный выбор, но что поделать, если целители-маги обычно всем коллективом находятся в нескончаемой позиционной войне с цифрами? В том смысле, что терпеть не могут считать, планировать и решать далекие от профессиональных вопросы, а главный целитель – должность, скорее, административная. Даже у светлых соседей, насколько мне помнится, эти должности занимают либо эльфы с очень слабым даром (а это редкое явление), либо вовсе без оно, либо специалисты каких-то других отраслей магии. Например, менталисты, специализирующиеся на заболеваниях психики, или вовсе вещевики, из которых в силу склада характера получают отличные управленцы.

А Колос, помимо прочих достоинств, еще и весьма хозяйственный мужчина. Я же говорю, очень нам с ним повезло.

– Тилль, вот как думаешь, что со мной сделает наш всенародно избранный и богами одобренный, если я тебя сейчас с собой прихвачу? – вздохнул он, без труда прочитав за словами истинную причину моей тоски.

– Мы ему скажем, что я сама пришла, а ты не видел, – слегка оживилась я. Затушила пальцами окурок и, за неимением в окрестностях мусорного ведра, сунула в карман. В принципе, можно было просто разрушить, но хаотическая магия дается мне еще хуже стихийной, проще доверить профессионалам. А к аккуратности меня приучили с детства.

– Ладно, уговорила. Есть полезное дело, где не потребуется магия, – со смешком сообщил он. – Заодно меня подменишь, а то я зашиваюсь. Опять же развлечешься.

– Коля, я тебя обожаю, – просияла я, но тут же нахмурилась, заподозрив подвох. – Это чем я развлекаться буду, поподробнее, а?

– Видишь, какое дело... студентов на стажировку прислали, – смущенно сознался Колос. – Надо им все показать-рассказать, расселить и поставить на довольствие. Я бы и сам

походил или кого-нибудь другого привлек, но раз тебе все равно хочется чем-нибудь себя занять...

– И куда их будут расселять? – растерялась я.

– Обещали принять в казармах, – развел он руками. – Не лучшие условия, но там, по крайней мере, цела крыша, имеются койки и через окна почти не сифонит.

– А откуда ребята-то? Маги или специалисты?

– Все вперемешку. Сама же знаешь, какой бардак был при эвакуации. Бумага пришла за подписью ректора Ремесленной академии, но с печатью Нового общемагического. По хорошему, стоит отправить их обратно и затребовать нормальные бумаги, только ребят жалко. На улицу их выгонять, что ли? Вот, кстати! Ты чаще в правлении бываешь, узнай там у кого-нибудь, что за чехарда с учебными заведениями?

– Хорошо, спрошу. Пойдем, покажешь юные дарования.

Война начиналась не в нашу пользу, нас теснили, и всевозможные тыловые службы и учреждения эвакуировались в большой спешке. Если производства вывозили до последней пылинки, чтобы врагу ничего не досталось, то с остальными обстояло сложнее, спасали в первую очередь жизни, а все прочее – по остаточному принципу.

Посмотреть на студентов было интересно. До столичного госпиталя они, наверное, добрались первый раз за время войны, обычно стажировку такие ребята проходили на передовой. Считай, уже сложившиеся специалисты, доучивать их в тылу некогда, там каждые руки на счету.

Я в тылу не бывала, но хватило фантазии сообразить, что условия там едва ли не хуже, чем на передовой. Учитывая, что отступали на высокогорье, ища укрытия в старых шахтах и на границе с гномьими княжествами, надо думать, что для студентов самым большим счастьем покажется даже не крыша над головой, а тот самый усиленный паек, полагающийся целителям.

Угадала. Эльфы вообще не отличаются крупным телосложением, мы обычно худощавые, гибкие и жилистые, а эти... По-моему, кроме костей и кожи там ничего не осталось. Хотя нет, вру. Остались горящие любопытством глаза и аккуратно вплетенные в косы тонкие красные ленточки. Потрепанные, потертые, кое у кого – засаленные. При виде них больно кольнуло в груди, но я отогнала это ощущение и сопутствующие мрачные мысли. Давно ли я сама такую носила?

Три десятка Первороденных, восемь человек, больше половины – маги, толклись в фойе главного корпуса, с любопытством озираясь и провожая взглядами стремительно проходящих мимо сотрудников в светло-синей, зачастую затертой до сизого цвета униформе. Установить видовую принадлежность студентов можно было разве что по ушам да по ауре, в остальном – одинаковые ходячие анатомические пособия. Особняком стоял единственный в компании менталист. Мальчик выглядел самым мелким и худощавым из всех, хотя особенно забитым или несчастным не казался, просто они все по жизни одиночки. Черные волосы коротко острижены – опять же у единственного – а взгляд темно-синих, почти черных глаз, при всем безразличии, казалось, пронизывал насквозь. Но с ними такое сплошь и рядом, я привыкла.

Однако, как нам повезло: такой специалист, пусть и недоученный, очень кстати. Их на весь город трое, и только один в свободное время помогает при госпитале. Менталисты – вообще самые редкие маги в мире.

– Здравствуйте, товарищи студенты, – с улыбкой приветствовала я. Мне ответили

нестройным хором и заинтересованными взглядами. – Давно прибыли? Староста есть?

– Я, наверное, – неуверенно отозвалась невысокая девочка с кошачьими зелеными глазами и белоснежной косой, в которой алая полоска ленточки выделялась особенно ярко. – Танагриаль Вириталь Данат-эль, – проговорила она смущенно и даже как будто виновато, потупив взгляд. Но – проговорила, и я не удержалась от усмешки.

– Таня хорошая, – совершенно неожиданно высказалась человеческая девушка – единственная девочка среди людей и одна из трех магов – и, сделав шаг вперед, остановилась рядом с подругой, слегка загородив ее плечом. Серые и неожиданно холодные для такого яркого рыжего цвета волос глаза смотрели на меня упрямо и задиристо. Рыжая была на полголовы выше и, похоже, отличалась нравом заправского сорванца.

– Да я разве спорю? – отмахнулась и подмигнула смущенной белобрысой. – Не волнуйтесь, не к светлым попали, к своим. Вы давно в горах-то, что так дичитесь?

– Люди там родились, а мы в основном совсем детьми попали, – за всех ответила Танагриаль, окинув товарищей взглядом. – Там к нам привыкли, никто на масть не смотрел, но мама все равно боялась. Там все-таки тыл, а тут...

– А тут мы как будто за это и воевали, – фыркнув, оборвала ее я. – Так что не бойся, кто-то, может, и покосится недобро, ну так идиотов везде хватает. В общем, не дергайтесь и чувствуйте себя как дома. И все-таки, давно прибыли?

– Два часа как, – слегка приободрившись, отозвалась староста.

– На перекладных добирались?

– Нет, нам... транспорт выделили, – поморщилась она. Кто-то из ребят тихонько выругался себе под нос, кто-то демонстративно потер сиденье, а я опять не удержалась от ухмылки. Понятно, что им за транспорт выдали – небось грузовик с наспех сколоченными лавками. Видимо, эвакуировали их совсем уж в глушь, железки там нет – ее для заводов прокладывали – нормальное воздушное сообщение тоже пока отсутствует. От гор трястись сюда больше суток на той деревянной лавке, да по военным дорогам...

– Давайте-ка мы с вами начнем с приятного и сначала поедим, потом прогуляемся до вашего временного пристанища, а там посмотрим. Может, отложим экскурсию на завтра, вы хоть отдохнете. Меня, кстати, можете звать Тилль.

– И все? – растерянно уточнила староста.

– Все зовут и вы зовите – я привыкла. Ну что, двинулись навстречу здоровому питанию и сну!

Молодежь загомонила, утверждая, что отдохнуть они могут и после экскурсии. Но против «поесть» никто не возражал, и я, призвав выводок будущих целителей к порядку, решительно двинулась в сторону столовой.

Причина беспокойства Танагриаль была понятна – девочка являлась не просто светлой, но светлой высокородной. У нас вообще очень просто определить по имени, кто и откуда взялся. Первое имя – собственное, и его окончание напрямую характеризует род: для древнего рода «ор» у мужчин, буквально означает «великий», и «аль» – у женщин, буквально «прекрасная». Второе имя дается по матери, третье – отцовское без окончания, но с добавлением фамильного артикля. Эль – для светлых, дар – для темных, ир... до недавнего времени считалось пренебрежительным, такой артикль носили так называемые «дикие» – отлученные, опальные, вышедшие из недостойных называться высоким именем родов. А дальше обычно называли имя рода, если оно имелось. У высокородных светлых оно имелось у всех, потому что, лишаясь имени рода за какие-то прегрешения, эльф лишался и

права на артикль «эль».

Имена что отца, что матери светлой, мне ничего не говорили. Надо будет спросить тихонько, из какого все-таки рода она вышла? Не то чтобы принципиально, но любопытно. Что бы девушка себе ни думала, но светлые среди нас тоже попадались, даже высокородные – из тех, что разделяли убеждения Валлендора и его соратников. Да что далеко ходить, Валек и сам был светлым до мозга костей. Правда, светлым, в отличие от большинства их, в хорошем смысле этого слова – со светлой головой и светлым сердцем.

В столовую студенты вошли с благоговейным восторгом, а на еду набросились с таким видом, будто голодали всю жизнь. Да, может, и вправду голодали...

После сытного обеда, несмотря на браваду, детей заметно разморило. Они пытались хорохориться и упрямитесь, но без прежнего энтузиазма, так что вместо экскурсии мы первым делом направились в казармы – осмотреться, там я страдальцев и оставила. При виде коек с тонкими матрацами и застиранного, но чистого постельного белья их желание немедленно приступить к учебе заметно пошатнулось.

– Это что за табун глистов ушастых? – мрачно поинтересовался у меня на выходе из казарм дежурный бригадир, личность на редкость колоритная.

Огромный пожилой угрюмый орк Кхавра Рых еще до войны был дежурным по казармам, в которых размещался весь городской сухопутный гарнизон, а с начала войны – бессменным дежурным. Тогда же ему присвоили чин бригадира – звания в нашей армии отличались от прежних, так что переименовали всех. К войне Кхавра оказался не годен ввиду отсутствия правой руки и правого глаза, а здесь нашел свое место. Своего рода городская достопримечательность. Помимо того что он великолепно исполнял свои обязанности (ему и одной руки хватало, чтобы поддерживать на подведомственной территории дисциплину), он еще и город знал как свои четыре пальца, и что особенно важно – старые подземелья под этим городом.

Но даже не это его отличало от всех прочих, гораздо важнее была примечательная наружность и манера речи.

– А тебя разве не предупредили?

– Мне сказали – тридцать восемь рыл по тумбочкам распределить, так я вон белье по местам расставил и жизненное пространство освободил. А кто они по фамилии и роду деятельности – не доклали.

– Студенты-целители, – пояснила, тщето пытаясь справиться с улыбкой.

– О как! – крикнул старый орк, бросив нехороший взгляд в сторону закрытой двери. – Грамотные все насквозь, а устава не нюхали.

– Кхавра, не обижай детей, они вон и так, как ты точно подметил, глисты, у них и без устава тяжелое детство, – попросила я. – Может, это временная мера и общежитие скоро восстановят...

– Да ладно, пусть лежат, если беспорядки нарушать и дисциплину хулиганить не будут, а отбиваться станут по часам, – смягчился орк. – От того общежития одна проходная и осталась, чтобы коменданта покласть.

– За это не волнуйся, они ребята дисциплинированные, – утешила я.

Кхавра в ответ скептически хмыкнул и вразвалочку потопал в каптерку.

Однако об одном я не подумала, когда решила уложить детей спать. Им, конечно, хорошо, они отдохнут с дороги и завтра будут чувствовать себя пристойно, но... мне-то что до вечера делать? Честно говоря, особого желания болтаться по зданию правительства и до

этого не возникало, это, скорее, был зов долга и совести, а сейчас даже они приумолкли. По хорошему, там все прекрасно обойдутся и без меня, для решения политических вопросов я не нужна, разберутся сами, а что до ритуала... Все, что от меня требовалось, я подготовила уже давно, в крайнем случае – и без меня найдутся способные на подобное свершение.

Я засунула руки в карманы, перевалилась с пятки на носок и обратно, задумчиво огляделась по сторонам. Нащупала портсигар, оживилась было, но вспомнила, что там пусто, как в государственной казне, и загрустила. Правда, что ли, зайти домой да заняться делом? Вроде бы папиросная бумага у меня еще осталась, да и все нужные травы как раз подсохли.

В общем, решено, гулять – так гулять. Накручу себе курева, устрою постирушки и на пару часиков до заката и ритуала завалюсь спать, благо – времени еще уйма. Будет у меня хозяйственный день: и без магии, и польза для дела. Как ни прискорбно это осознавать, но Валлендор прав, мои попытки сгореть на работе никому никакой пользы не принесут, так что – надо менять стратегию.

И я решительным шагом двинулась к тому месту, которое в последнее время гордо именовала домом.

Приморский – небольшой городок. Он лежит в тесном ущелье, и ему попросту некуда разрастаться. Горы вокруг невысокие – даже не горы, скорее, скалы – но крутые и иссеченные трещинами, за которые цепляются невысокие корявые сосенки. Много лет назад, когда эти места еще не накрыла тень Великого Древа, здесь находилась крошечная рыбацкая деревушка. Потом бухта заинтересовала властей предрежащих своим удобством и защищенностью от суровых северных ветров, и тут построили торговый порт. А где торговый – там и военный, и вскоре в воротах бухты – единственном проходе между прибрежных скал, ведущем в почти ровную круглую чашу залива – был построен укрепленный форт, прикрывший городок от угрозы с моря.

Самая большая проблема таких городов, построенных в уютных горных ложбинах, это недостаток пресной воды. Приморскому в этом вопросе очень повезло: скалы под городом изъедены пещерами, а в этих пещерах есть пресные озера. Вода из-за известковых примесей имеет неприятный запах, дает густой осадок, но, главное, она имеется.

Когда-то – совсем недавно! – это был красивый город. На площадях били изумительной красоты фонтаны, белоснежные фасады зданий оттенялись густой зеленью раскидистых деревьев, на улицах звенели голоса, тархтели туда-сюда грузовики, подобно большим бурым муравьям растаскивающие из порта контейнеры, гудели длинные товарные поезда.

Сейчас... по сравнению с картинами довоенных лет город казался мертвым. Впрочем, нет, я несправедлива, это во мне говорят застарелая злость и усталость. Сейчас он, скорее, напоминал больного, начавшего оправляться от долгой, трудной, выматывающей болезни. Пожелтевший, отошавший, но упрямо цепляющийся за жизнь. Приморский победил и выжил, а все остальное уже не так важно. Мне ли не знать, что воля – главное условие выздоровления?

Угол, который мне выделили для проживания, можно было назвать роскошным. Во-первых, добротный дом, когда-то принадлежавший кому-то из представителей элиты, с честью выдержал бои, сохранив в целостности свои стены и крышу. Во-вторых, здесь имелся даже работающий водопровод, и на одну уборную приходилось всего четверо жильцов, причем все – мои знакомые, целители из того же госпиталя.

Сейчас мало кто мог похвастаться лучшими условиями жизни. От домов в центре в большинстве остались руины, не просто не пригодные для жизни – в них банально опасно

было заходить, остатки крыши и стен могли рухнуть от малейшего порыва ветра. Валлендор вообще жил в собственном кабинете в правлении, причем громким словом «кабинет» именовалась комнатка три на три метра, прежде служившая, кажется, гардеробной, а Валек, на минуточку – наш нынешний правитель.

Впрочем, здесь не о чем сожалеть. Бытовые трудности – это мелочи, быт наладится, дома отстроятся. Поднимут старую баржу, начиненную ловушками-чарами и затопленную у входа в бухту, своим телом она преградила путь флоту светлых – и оживет порт. Восстановят покалеченную ветку железной дороги – да она уже почти ожила, стройка идет чуть ли не круглые сутки.

Все хорошо. Мы победили. Не все увидели эту победу, но так всегда и бывает, все нормально, все забудется. Нет ничего страшного и непоправимого, это просто брюзжание одной глупой эльфийки, уставшей не столько от мира, сколько от себя. Мы не стареем телом и лицом, а вот что при этом творится в душах – и богам неведомо.

Как гласит одна древняя мудрость, мы видим в окружающем мире лишь отражение того, что есть внутри нас. И если этот город кажется мне мертвым, совсем не значит, что так и есть на самом деле.

Бельфенор Намиаль Маальт-эль из корней Серебряного Дуба

Смешно, но процесс уборки неожиданно оказался увлекательным. Кому скажи – не поверят, однако имелось в этом что-то... успокаивающее, медитативное. Было приятно наблюдать, как бездымное белое пламя облизывает стены, смахивая с них пыль, обращая в прах истлевшие от времени занавески, обломки мебели и обрывки ветоши совсем уж непонятного происхождения. Все это подкупало неумолимой правильностью.

Ну и, конечно, было очень приятно представить на мгновение, что в этом пламени сгорает не только мусор, но и добрая половина мира. Начиная с этого облезлого вспаханного войной города – и заканчивая тем, по чьей милости я оказался сейчас здесь. Тем, кому не хватило мужества пойти до конца.

Впрочем, все это – пустые мечты. У меня есть долг и присяга, и я не изменю им. А потом... По поводу этого «потом» возникало несколько мыслей, но для них еще не пришло время.

Порывами ветра – эта стихия после огня давалась мне легче прочих – я вымел пепел наружу, и серебристо-белая поземка зазмеилась по ступеням, на несколько мгновений превратив позднюю весну в позднюю осень. Поборов желание выгнать мусор на улицу, я заставил горсти праха осесть под деревьями. Говорят, это неплохое удобрение, так зачем зря пропадать добру!

Осмотревшись в доме после уборки, со смешанным чувством удовлетворения, безразличности и злорадства отметил, что целой мебели в здании осталось немного, а за то, что осталось, нужно благодарить темных сородичей. Явно их руками с их нездоровой гномьей любовью к камню и металлу были сделаны эти столы, стулья, статуи и зеркала в тяжелых кованых рамах. Все остальное – мягкая мебель, шкафы – если и существовали, то давно пришли в негодность и сгорели в белом пламени.

Удовлетворение вызвала качественно проделанная работа, безразличность – понимание, что раньше здесь жили темные, и дух их присутствия, кажется, все еще висел в воздухе. А вот причиной злорадства, скрасившего мне жизнь, стала очередная мысль о нашем драгоценном

и вечном Владыке, которому тоже придется существовать в подобных условиях и спать на полу. Я-то к походной жизни привычный, а вот его изнеженная задница на холодных металлических решетках сидений стульев быстро запросит пощады. Как говорится, когда нечему радоваться, найди приятное в мелочах.

Придя к выводу, что моими силами в этом месте изменить что-то еще невозможно, я вышел на улицу. Каменные стены дома давили, а здесь можно было прикрыть глаза, прислушаться к шелесту листвы и на мгновение забыть, что вокруг – этот проклятый город, сломавший зубы Владыке и нам всем заодно. Чем я, собственно, и занялся, присев на землю под ближайшим деревом и прислонившись спиной к шершавой морщинистой коре.

Общеизвестно, что родина эльфов – лес. Боги создали нас из живых древесных стволов, гномов – из отрогов гор, орков – из песка и степных трав, людей – из грязи. Поэтому последние два вида так недолговечны, гномы – как камни – живут долго, но со временем рассыпаются, а мы вечны, покуда в этом мире существует жизнь. Мы были созданы для этого мира – а он для нас, все же прочие виды лежат на другой чаше весов воплощением мертвой материи.

Эльфы жили в центре единственного материка, на юге наши земли упирались в море, на севере – в Дикий Лес, занимающий площадь, соизмеримую со всеми обитаемыми землями. Западную оконечность материка занимал десяток человеческих государств, на северо-востоке раскинулся огромный горный массив, нижний ярус которого заселили гномы, а юго-восток принадлежал оркам.

Так было прежде. Потом откололись темные, которые ушли высоко в горы – туда, куда боялись подниматься подгорные карлики. Но это по-своему правильно: они унесли туда жизнь, согрели высокогорные долины и превратили их в причудливые мозаики из живых цветов и мертвых камней. На окраине Дикого Леса, на стыке между нашими землями и землями гномов, в какой-то момент обнаружилась тесная община гризов – этих существ насчитывалось совсем немного, и они мало кого интересовали, да еще довольно редко покидали свои земли.

Ранее многочисленных орков мы вытеснили из лесов в раскинувшиеся в предгорьях степи, и на этом наши с ними войны закончились – тамошние места не интересовали детей леса, не испытывающих приязни к яркому палящему солнцу. Лишь иногда, когда зеленокожих становилось слишком много, они совершали набеги на границы, и наши отряды в ответ помогали соседям сократить численность, прореживая кочевые племена. После этого основные войны полыхали на западе, где под нашим натиском человеческие государства вынуждены были объединиться.

А потом появились дикие. Сложно сказать, в какой момент и когда – любой самый грандиозный обвал начинается с единственного сорвавшегося камня, и под грудой сошедшей земли уже невозможно понять, откуда взялся тот, первый, и где он погребен. Сначала разрозненные, дикие постепенно собирались в общины на границе с гномами и орками – в скалах и лесостепях, которые эльфы не жаловали из-за неподходящего климата. Так получилось, что они собрались на восточной оконечности страны, и постепенно здесь образовалось эдакое государство в государстве.

Не так страшно в них наплевательское отношение к традициям. В конце концов, традиции – это просто вековые привычки древних существ. Дикие отказались от своих корней, предали саму эльфийскую природу, вот что страшно. Подобно детям камней и пыли, забивались в каменные коробки, и лес... скорбел. Лесу было больно, как больно матери,

забытой собственными детьми, а вместе с ним – больно тем, кто по-прежнему оставался привязан к этим корням.

Я так и задремал, сидя под старым деревом – ничем иным объяснить подобные мрачно-философские мысли не получалось. Кажется, это вообще текли мысли того самого дерева, а я просто услышал его размышления о вечном, которым вторил убаюкивающий печальный шепот листьев над головой. Но открыл глаза с одним-единственным отчетливым стремлением: я хочу домой, и пусть горят огнем все интриги, амбиции и прочие глупости. В самый дальний и глухой угол родовых земель, на границу с Древним Лесом – черной жуткой чащей, жестоко расправлявшейся с незваными гостями. Там не действовала никакая магия, смерть за попытку развести огонь приходила особенно мучительная, но... вблизи этих многовековых исполинов с окаменевшими стволами я чувствовал себя особенно живым, почти ребенком.

Поднявшись на ноги, решительно отогнал неуместные пораженческие мысли и направился в сторону Портальной площади, на ходу простенькими чарами приводя в порядок одежду. Тренированный разум не проспал нужный момент, и я как раз успевал к назначенному часу прибытия основной делегации.

На площади уже собралась толпа. Не слишком плотная, но было очевидно, что все эти существа собрались здесь не случайно. Иностранцев оказалось меньше, чем я ожидал: то ли решили не высовываться, то ли я ошибался относительно основного населения города. Признаться, прежде бывать здесь мне не доводилось. Да и прочие города диких в силу специфики собственного магического дара я наблюдал обычно без жителей, уже догорающими.

Официальная встречающая делегация тоже обнаружилась здесь. В лицо я, кроме Валлендора, никого не знал, но подобное положение вещей не волновало: для того, чтобы сориентироваться в пространстве, оказалось достаточным найти взглядом этого отверженного потомка когда-то великого рода. Фигура примечательная, ошибиться сложно.

Мне никогда не доводилось встречать существо с более обманчивой наружностью, чем у этого эльфа. Да и Владыка в свое время тоже прокололся, приняв внешность за чистую монету. Валлендор, несмотря на громкое имя, был очень невысоким и хрупким, сложением тянул скорее на подростка, причем – женского пола. Узкие плечи, тонкие руки, впалая грудная клетка. У него даже волосы были не белые, а золотистые, острый нос усыпали несерьезные веснушки, а на миловидном почти детском лице горели любопытством и доверием ко всему окружающему миру чистые голубые глаза. Подозреваю, Владыка, назначая этого эльфа на должность наместника Приморского и всех прилегающих земель, надеялся поразить две мишени: оказать милость отцу Валлендора, весьма почтенному и уважаемому эльфу, и заодно заполучить на ключевой позиции исполнительную безынициативную марионетку.

Мало кто в тот момент мог представить, что за личность на самом деле скрывается за такой несерьезной наружностью. Шутка богов или проявление закона мирового равновесия? Он оказался отличным политиком – умным, хитрым, изворотливым, жестким, упрямым, принципиальным, решительным и волевым. Служить под началом такого командира было бы честью, но, увы, мы оказались по разные стороны линии фронта, а наш Владыка из указанных качеств обладал только первыми тремя. Может, потому мы и имеем то, что имеем.

Ровно в назначенный срок порталы принимающей стороны подал условный сигнал, видимо, предупреждая охрану, и через пару мгновений пространство внутри арки вспучилось

воздушной линзой, сфокусированной на точке, удаленной от этого города на многие километры.

Первой из портала показалась неизменная охрана – десяток почти одинаковых гибких фигур в маскировочных костюмах. Я не без ехидства отметил скромность эскорта. Интересно, он действительно решил довериться местным или те строго оговорили количество охранников? Как же бедный Владыка должен трястись без привычного заслона!

Следом за охраной показались собственно посланцы, состав делегации заставил меня насторожиться. Предчувствие пока не могло оформиться в конкретное подозрение, но я буквально кожей ощутил близость подлжки.

Заявленный состав в виде полного Круга мог быть продиктован тысячей причин – примерно столько ритуалов требовали присутствия источников всех шести типов магии, или трех осей силы: стихийники и хаоситы, пространственники и менталисты, и, наконец, целители и вещевики. Несколько меньшее количество ритуалов требовали присутствия семи сил, включая узкоспециализированную смерть, которая отдельно никогда не встречалась, но подчинялась некоторым представителям последней оси, и тогда это собрание называлось Кругом Жизни, а не Силы.

Круг мог засвидетельствовать клятву или именем богов скрепить договор, и я, честно говоря, ожидал, что именно для этого нас всех собрали. Пока не было ни единого повода думать иначе, вот только личностный состав Круга, сумки с вещами на плечах почти всех посланцев, да и отсутствие возможного претендента на роль посла...

Из всех присутствующих я хорошо знал только одного, специалиста по магии хаоса. Вернее, не просто знал. Тай был хаоситом исключительной силы и, пожалуй, единственным, кого я мог с полной уверенностью назвать другом. Но в нынешней ситуации настораживало не это: мы оба состояли в некоторой... оппозиции Владыке, насколько позволяла присяга. Проще говоря, мы, конечно, исполняли его приказы, но самого Пресветлого не ставили ни в грош. Таналиор вышел из портала первым, сквозь легкий прищур с усмешкой огляделся. Встретившись со мной взглядом, ухмыльнулся понимающе и, подмигнув, кивнул, здороваясь. У него при себе никаких пожитков не имелось.

Следом за ним появился вещевик – щуплый испуганный мальчишка-подросток с даром настолько чахлым, что его направление было сложно определить. Целитель (заодно являющийся носителем магии смерти), напротив, при незначительной силе дара оказался очень стар – это читалось в его усталых выцветших глазах, из которых ушло желание жить, кажется, еще до моего рождения. Пространственник и менталист выглядели крепкими середнячками, явно неплохо знающими друг друга, а лица их показались мне знакомыми.

Следом из портала выступил Владыка в сопровождении очередного старшего сына, чьего имени я не помнил. Наследники сменяли друг друга с завидной регулярностью: наш Пресветлый не стремился уйти на покой, а терпение «первых после бога» рано или поздно лопалось, и они организовывали попытки переворотов. Только на моей памяти старших сыновей поменялось восемь или девять. Правда, боги не обделили Владыку мужской силой, и подобная естественная убыль поголовья принцев восполнялась с лихвой. Помимо десятка наследников он уже пережил пятерых жен, и это не считая бастардов (кто их, бастардов, в самом деле, считает?), некоторых из которых Владыка, пребывая в хорошем настроении, даже признавал.

Начались вежливые расшаркивания, и я потихоньку занял свое место по соседству с Таем, попутно пытаюсь вспомнить, где же мог видеть эту угрюмую парочку – вторую ось

Круга.

– Ну как, освоился в этой помойке? – тихо уточнил он, с интересом оглядываясь.

– Что мог – сделал. Но я так и не понял, для чего нужен здоровенный дом, если мы тут в худшем случае на сутки, а посла среди присутствующих... Что? – осекся я, потому что Тай посмотрел на меня очень странно, с непонятным сомнением и подозрением.

– Ты что, еще не понял, зачем этим выродам понадобился Круг Жизни, да еще непременно из представителей древних родов? – с ухмылкой уточнил он.

– Я полагал, что для скрепления договора, но уже догадался, что это не так. Думаешь, нас собираются по древнему обычаю принести в жертву?

– Не в том смысле, который ты в это понятие вкладываешь, но... да. Наш многоуважаемый и пекущийся о нуждах родины решил нас всех здесь похоронить. Собственно, достаточно взглянуть на контингент, чтобы это понять.

– Выбор посланцев мне тоже показался подозрительным, но я никак не могу вспомнить вторую ось. И что ты имеешь в виду под словом «похоронить»?

– С этими двумя все просто, они – идеологи оппозиционного движения, – пожал плечами Тай.

– А оно у нас есть? – не удержался я от язвительности.

– Ага. Вот оно. – Он с сарказмом кивнул на молчащую парочку.

– Честно говоря, выглядят они довольно жалко. Даже без учета местонахождения. Как их сюда вообще затащили? Силком?

– Зачем? Почти добровольно. У менталиста при отсутствии родителей три незамужних младших сестры, у второго – жена и сын, – усмехнулся он. – А что выглядят жалко, так все остальные...

– Спасибо, я в курсе, радикальная оппозиция осела по эту сторону границы. Но ты так и не ответил, что за похороны и откуда вообще такие выводы?

– Похороны? А-а. Слышал ли ты, любезный друг мой, когда-нибудь об отреченной земле и связанном с ней обрядом? – менторским тоном начал Тай, но запнулся, увидев мой злой взгляд, и виновато кашлянул. – В общем, магия старая, ее сейчас мало кто помнит, но в архивах есть. Не знаю уж, где его откопала эта крошка, но наш Пресветлый так бесился – изумительное зрелище, я в тот момент почти смирился с поражением.

– Какая крошка? – нахмурился я, потеряв нить разговора. Таналиор – хороший друг и хороший маг, но так любит молоть языком и растекаться мыслью по древу, что в подобные моменты даже мне хочется его убить. Большого зануды Великое Древо еще не касалось своей тенью.

– Мак Валлендор же! А ты не слышал, что ли? Его как только не называют и какие о нем только слухи не ходят! Вот, например...

– Тай! – окликнул я. Получилось излишне громко, и на нас обернулась чуть ли не вся процессия, неторопливо движущаяся с площади в сторону места обитания здешнего правительства. Во всяком случае, я был уверен, что направляемся мы именно туда.

– Извини, это я просто соскучился, – безмятежно улыбнулся хаосит, а я в ответ многозначительно потер костяшки пальцев правой руки, сжатой в кулак. – Так. О чем я? Обряд. В общем, я не знаю подробностей, и уж тем более не знаю истории его возникновения, но он явно ненамного моложе всего нашего народа. Суть в том, что некая часть земли объявляется... ну вроде как священной, ничьей, и вступить на нее с дурными помыслами нельзя. Не знаю, как это работает и зачем местным в качестве жертвенных

баранов понадобились мы – может, захотелось содрать с Пресветлого дополнительную контрибуцию, а, может, есть какая-то тонкость в обряде. В общем, главное, проводить его будем мы, а те, кто совершает обряд, привязывают себя к указанной земле. Насовсем. До конца жизни. Так что готовься, мой дорогой друг, куковать нам на этой помойке вечно.

– А если попытаться выйти за периметр? – уточнил я, для начала грязно выругавшись под понимающим взглядом Таналиора.

– Кажется, наступит быстрая, но болезненная смерть. Или не быстрая, но точно – болезненная. Да не волнуйся, думаю, подробности нам сейчас расскажут.

С местом назначения я угадал. Мы пришли в какую-то большую пустую залу, достаточно обшарпанную, но, кажется, прежде бывшую бальной. Посреди просторного и гулко от пустоты помещения виднелось несколько составленных разнокалиберных столов в окружении не менее разномастных стульев. Еще два ряда сидений выстроились вдоль стены, а в дальнем углу вовсе возвышалась гора из мебели, очевидно, негодной.

Вот интересно, они специально издеваются или действительно считают нормальным проведение встреч в таких условиях? Смущенными хозяева не выглядели и не нашли нужным извиниться, и я склонился к мысли, что это все-таки тщательно спланированная акция. То ли демонстрация мысли «это вы нас до такого довели», то ли отношение к светлым в целом и Владыке в частности.

Когда какие-то слуги забрали пожитки моих товарищей по несчастью, все расселись и началось подробное представление присутствующих. Выяснилось, что Тай отчасти угадал. «Отчасти» – просто потому, что объяснять нам никто ничего не собирался: Валлендор сообщил, что для ритуала все готово, после чего два правителя сосредоточились на увлекательном занятии – дележе земель, размерах контрибуции и прочих материальных благах.

И я от всей души искренне болел за Валлендора. Хотя бы для того, чтобы отвлечься от желания свернуть Владыке шею.

Тилль

Нет, и все-таки пора признать идею с работой до обмороков нежизнеспособной и пересмотреть ритм собственной жизни. Все бы ничего, но это в первый раз на моей памяти – я умудрилась проспять что-то важное: кажется, организм, обрадованный предоставленной в неурочный час возможностью выспаться, решил использовать ее до конца. Когда я продрала глаза и сообразила, где нахожусь и сколько сейчас времени, сначала даже не поверила себе и своим внутренним часам, а потом – опомнилась и бросилась одеваться. В голове билась единственная мысль: «Валек меня точно убьет!»

Настроение казалось странным и удивительно отличалось от того, в котором я пребывала все последнее время. Не знаю, что помогло вдруг собраться и хоть ненадолго вынырнуть из болота, в которое я сама себя загнала, но сегодня я была полна решимости не думать о плохом. Может, дело в юных и удивительно живых лицах будущих целителей, незнакомых и не примелькавшихся за последние дни. Может – в злом желании не показать себя размазней чужакам. Может, в том, что я впервые за последние месяцы почти выспалась.

А, может, в том, что, уже засыпая, сумела наконец-то заплакать? Тихо, почти без слез, кусая подушку, чтобы не сорваться на хрипы с подвыванием?

Какое из событий дня повлекло за собой следующее и почему в итоге привело к такому результату? Я, конечно, целитель, но, увы – не целитель душ. И разобраться, действительно

ли это долгожданный перелом в болезни или кратковременный момент прояснения перед агонией, я не могла. Да сейчас, честно говоря, было не до того.

Распущенные перед сном для мытья волосы собрать во что-то приличное не успевала, поэтому просто пару раз пробежалась по ним щеткой – благо, они от природы почти не путаются. На мгновение замешкалась, задумавшись, а потом все-таки осторожно достала из небольшого сундука с пожитками потертую и выгоревшую красную ленточку. Пусть сердце мое уже не горит, но зато я имею полное право на второй символ, много лет назад вложенный в простой кусок атласной материи. В конце концов, ради того, чтобы сегодняшний праздник состоялся, я тоже пролила немало крови. Так пусть это будет память о ней и о тех, кто не дожил до сегодняшнего дня!

А следом достала нарядную многослойную желто-красную юбку и прилегающую к ней тесную узкую белую рубашку с глубоким вырезом и расклешенными от локтя алыми рукавами. Вещь оказалась великовата, слишком сильно я похудела с того момента, когда последний раз надевала этот наряд, но смотрелся комплект все равно неплохо. Сегодня праздник, надо улыбаться и радовать глаза богов и смертных. А что при виде этих пахнущих сухими травами и пылью вещей так больно колет в груди... хватит. Нужно иметь мужество либо умереть, либо жить, а не болтаться где-то посередине, пугая детишек обликом несвежего покойника.

На туфли я покосилась с сомнением и в конечном итоге отказалась от этой идеи. Я за последнее время слишком отвыкла от обуви, а на ногах придется провести много времени, так что не буду устраивать себе дополнительные испытания.

Путь до здания правления – бывшего особняка градоначальника – проделала бегом, под свист и улюлюканье детворы, составившей мне компанию. Детей я всегда любила, поэтому такое сопровождение восприняла не то что без раздражения – с удовольствием, а настроение неожиданно скакнуло на недостижимую в последнее время высоту. Плевать, сегодня мне на все плевать – на прошлое, на будущее. Я впервые за много дней по-настоящему улыбалась и была настроена хорошо отдохнуть, а все прочее пусть горит огнем.

– Простите за опоздание, немного проспала! – с грохотом распахнув входную дверь, я влетела в залу высокого собрания. – Доброго дня, мальчики и... мальчики, – запнулась на середине предложения, потому что представительниц прекрасного пола среди присутствующих не было. Впрочем, ожидаемо: светлые слишком бережно относятся к женщинам, и уж точно не потащат их с собой ради компании. А для ритуала подходят только мужчины.

Принцип наследования по прямой мужской линии придумали не женоненавистники и притеснители слабого пола; это объективная данность, прямой закон магии. Семя родового древа передается от отца к сыну, и со смертью последнего прямого мужского потомка род прекращается. Женщина – цветок, завязь и плод, ее роль тоже сложно переоценить, но при этом наша сущность гораздо пластичней. Мы легче приспосабливаемся к новому, самой природой нам заповедано подстраиваться под изменения окружающего мира и под мужчину, который рядом. На это можно сердиться, можно злиться, можно пытаться отрицать суть вещей, но изменить невозможно: сезоны всегда в свой черед сменяют друг друга, и не в наших силах этому воспрепятствовать. Поэтому потомки старых родов, особенно родов небольших, с не слишком «развесистым» генеалогическим древом, так трепетно относятся к вопросу появления потомства: то есть, конечно, прямого наследника мужского пола, и желательно не одного. Поэтому, кстати, даже светлые в большинстве своем достаточно

любяльны к неравным бракам, когда юноша и наследник рода приводит в дом девушку из семьи попроще. Какая разница, в конце концов, лишь бы была физически здорова и могла родить сына!

А еще поэтому же лишение мужчины имени рода всегда считалось весьма суровым наказанием. Такой мужчина, вступая в брак, либо остается безродным, либо, если отец невесты настроен благодушно, может взять имя жены, но этот род уже носит название не корней, а ветвей родового древа – своеобразный «средний класс», не совсем безродные, но и не дотягивающие до элиты. Таковых хватало: в давние времена была распространена практика, когда имя рода наследовал только старший сын. Некоторое время назад от обычая отказались, но именно благодаря ему отросло множество «ветвей». Для ритуала же было необходимо участие потомков разных родов, почему, собственно, потребовались высокородные маги: там с гарантией все ясно.

– Тилль! – сияющая улыбка Валлендора, удивление и недоверчивая радость в глазах соратников и неприязненные взгляды светлых были мне равнозначной наградой. – До обряда мы, как видишь, пока не дошли, так что ничего важного ты не пропустила, – проговорил наш всенародно избранный, поднимаясь с места и пододвигая мне стул по левую руку от себя. – Но я рад, что ты все-таки добралась. А особенно рад, что твое «проспала» оказало на тебя настолько благотворное воздействие. Иди сюда. Господа, это...

– Тилль, и я здесь пока – исключительно для того, чтобы разбавить сугубо мужскую компанию, – оборвала я его. – Так что извините за внезапное вторжение, я вас прервала, продолжайте спокойно обсуждать свои дела дальше, а мое дело начнется, когда мы пойдем колдовать.

Валлендор иронично улыбнулся и действительно вернулся к разговору, а я притихла, разглядывая присутствующих. Фея восприняла уже как старого знакомого, мимоходом посетовав, что так и не услышала его полного имени, на Владыке лишний раз задерживаться тоже не стала – его примечательное узкое скуластое лицо, пронзительно-зеленые глаза и белые волосы с легким пепельным оттенком я и так знала, как, впрочем, и все остальные жители этого мира. Испытующий взгляд на несколько мгновений остановился на мне, брови нахмурились – кажется, он пытался меня вспомнить. Не преуспел, а потом вновь увлекся разговором. По очередному наследнику скользнула безразличным взглядом, а вот остальных удостоила более пристального внимания.

Похоже, светлый Владыка, получив сведения о необходимой Кругу силе, решил исполнить требования, ни на гран не превысив необходимый минимум. Не очень-то он ценит своих подданных, если подвергает их такому риску. А впрочем, ожидаемо, что от нас постараются откупиться наименее надежными и нужными магами, тем сильнее хотелось вспомнить полное имя Фея. Интересно, он-то чем своему Владыке не угодил?

Основу Круга всегда составляла первая ось, и на нее шли основные энергетические затраты. Здесь светлые не поскупились, партнер уже знакомого мне огневика оказался хаоситом огромной силы. Его я, кстати, вспомнила сразу – по приметному серебристому, будто седому цвету аккуратно собранных в косу волос и хрустально-серым как дымчатый кварц глазам. Таналиор-не-помню-как-дальше из корней Черной Ели, личность необычная и весьма яркая, как и весь этот род. СобираТЕЛЬНЫЙ образ, если учесть бледную и будто тоже слегка сероватую кожу, получался малоприятный, сквозило в нем нечто загробно-тревожное.

Род Черная Ель всегда считался бельмом на глазу Владыки, а теперь, похоже, планировал стать тем же для Валлендора. Эльф своим существованием опровергал

старую поговорку «враг моего врага – мой друг», потому что пренебрежительно относился не только к Владыке, но и ко всему остальному миру, и думал только о своих нуждах. Этот представитель древнего рода, насколько я знаю, являлся по совместительству последним и единственным его наследником мужского пола.

Родовых особенностей у Черных Елей несколько. Во-первых, других видов магии, кроме хаоса, в этом роду не проявлялось никогда, причем рождались либо маги исключительной силы, либо – эльфы, полностью лишённые магических способностей. Во-вторых, эти ребята питали нездоровую склонность ко всяческого рода экспериментам, порой приносившим уникальные открытия, но куда чаще – грандиозные неприятности и разрушения. Ну и, в-третьих, их родовые земли вытянулись длинной узкой полосой вдоль Древнего Леса. Черную Ель подобное соседство полностью устраивало и никогда не вызывало желания перебраться в более гостеприимные места, а это само по себе примечательно. Таналиор озирался по сторонам с куда большим интересом, чем его сородичи, и легкую тень брезгливости во взгляде сложно было уловить на фоне исследовательского любопытства. Хаосит не выглядел особенно раздраженным и недовольным своей участью... или так казалось по контрасту с сидящим рядом угрюмым Фелем?

Вторая ось состояла из магов, не примечательных ничем. Средняя сила, средняя внешность, средний уровень неприязни, отвращения и недовольства. Этим я даже вспомнить не пыталась – бесполезно.

Ну и, наконец, третья ось. Если бы не сила первой, эту парочку можно было бы назвать насмешкой и издевательством – в гризах магии больше! Целитель оставался безучастным ко всему, что объяснялось просто: он умирал. Отсюда и слабость дара, и тусклый взгляд. Мы, конечно, бессмертны, но ровно до тех пор, пока что-то в нас хочет жить. Порой случается так, что мир прекращает держать своих детей, и те истаивают буквально за считанные дни, без боли и страха уходя за Грань. Признаться, я до последнего думала и даже надеялась, что меня постигнет та же участь, но то ли мир не захотел отпускать, то ли что-то во мне отчаянно цеплялось за эту реальность – не знаю. Грань упрямо не хотела принимать меня, и сегодня я, кажется, окончательно с этим смирилась.

Партнер целителя являлся полной его противоположностью – совсем еще мальчишка, наверное, даже моложе прибывших сегодня студентов. Слабенький и болезненный – этими двумя словами он характеризовался полностью, начиная с дара и заканчивая наружностью. В нем не чувствовалось презрения или отвращения – только страх. И сильнее всего он боялся, кажется, собственного Владыки. Я украдкой ободряюще улыбнулась и подмигнула мальчишке, тот ответил недоверчивым недоумением.

Беседу двух правителей слушала вполуха. Результат ее был предсказуем: Валлендор своего не упустит, а Владыка не в том положении, чтобы торговаться и качать права. Не слушала бы вовсе, но всегда приятно наблюдать, как Валек ведет разговор. У него к этому исключительный талант, и я завидовала белой завистью: никогда не умела так мягко, интеллигентно и вежливо втаптывать собеседника в грязь, раз за разом ненавязчиво ставя его на место. Владыка скрипел зубами, но держался, как мог.

В конце концов сидящий справа от меня давний друг и соратник Кир – то есть, конечно, Кальвитор, новоиспеченный министр экономики, – аккуратно пододвинул ко мне желтоватый листок бумаги, расчерченный под игру в «крестики-палочки», с намеком подмигнув, и дальше собрание пошло веселее. Кир тоже мог позволить себе расслабиться, с Валлендором все оговорили заранее, и дальше переговоры ложились исключительно на его

плечи.

Впрочем, надолго посиделки не затянулись. Время поджимало, а основную их часть я благополучно проспала, так что мы с Киром как раз успели разойтись вничью – первую партию выиграл он, вторую – я, после чего Валлендор наконец скомандовал подъем.

Обряд должен был проходить на закате на Портовой площади, там все уже для него приготовили. Место это выбрали по нескольким причинам. Во-первых, именно на краю площади располагался храмовый комплекс Всех богов, а их наш пантеон насчитывал двенадцать. В принципе, остальные причины можно не перечислять, потому что близость к храму являлась определяющей, но они тоже играли свою роль: площадь являлась самой большой и ввиду отсутствия здесь сейчас рынка пустовала, поэтому могла вместить всех, желающих полюбоваться действием, да к тому же именно тут и должен был начаться большой народный праздник, праздник победы, так зачем ходить далеко?

Светлые – будущие участники ритуала – угрюмо молчали, и самым угрюмым из них выглядел Фель. Причем главным объектом приложения ненависти явно был его собственный Владыка, а все прочее, кажется, беспокоило эльфа мало. Кхм. А я как-то не подумала, что светлых сюда могли загнать пинками, не спрашивая их согласия.

Что ж, будущим «жертвам» даже можно немного посочувствовать: не хотела бы я оказаться на их месте в симметричной ситуации.

На расчищенной и вымытой чуть не с мылом брусчатке выложили узор рисунка – старого, как весь этот мир. Чудо, что нам попало достоверное и подробное описание ритуала! Причем действительно – чудо, потому что наткнулась я на тот талмуд совершенно случайно и поначалу даже не поверила своим глазам. Легенд о нем хватало, а вот достоверных свидетельств его существования – не существовало вовсе.

Я понятия не имела, когда последний раз обряд проводили, и проводили ли вообще с момента появления богов в этом мире. По легенде именно они придумали и провели его, уводя остатки своего народа из мира, чуждого эльфам и отторгнутого их. Провели, чтобы навсегда запечатать границы Зеленоотравья от угрозы извне, преследовавшей по пятам.

Кровь разных родов несла силу разных богов, и это увеличивало наши шансы на успех. Конечно, на весь мир не хватило бы Круга даже самых сильных магов, но наши интересы и не простирались столь далеко.

Мне предстояло стать фокусом обряда, взывающим к богам. В принципе, на это место можно было поставить кого-то другого, но специалистов по ритуалам под рукой не оказалось, а магия смерти, в которой я разбиралась куда лучше, чем в целительстве, состояла с ритуальной магией в родстве, так что предстоящее действие не пугало.

Собственно, из-за ритуала Валлендор и сумел настоять на выходном для меня: вливание сил требовалось мизерное, а вот внимательность и концентрация были необходимы. И я порадовалась, что постаралась выспаться и даже почти добилась нужного результата. Тело и подсознание на этот раз (как, впрочем, зачастую случалось раньше) оказались мудрее разума, и лишняя пара часов сна была кстати.

Слабым местом ритуала являлось добровольное согласие всех его участников, но светлые вели себя на удивление достойно. Хаосит вступил в рисунок первым и по моей просьбе отпустил силу – спокойно, уверенно и без сожалений. Он явно проявлял любопытство и даже радовался возможности поучаствовать в столь необычном мероприятии. Стихийник... в его силе сейчас проявлялось только злое пламя, все остальные грани присутствовали в виде бледных теней. Он буквально полыхал ненавистью, под которой

я на мгновение – странно! – ощутила только горечь и застарелую, привычную, какую-то хроническую боль, явно вызванную событиями гораздо более давнего прошлого, чем этот ритуал и даже эта война.

Чувства магов второй оси оказались почти одинаковыми: обреченная усталость, смирение и где-то даже безразличие к собственной судьбе. И – тоже злость, но не обжигающе-яростная, как у стихийника, а тупая и ноющая. Эмоции же третьей оси полностью соответствовали внешнему виду: у мальчишки – только страх, у целителя – все то же полное безразличие.

До определенного момента обряд шел нормально. Сила первой оси текла полноводной рекой, и ее с лихвой хватало для компенсации слабости третьей. А потом – без видимой причины, будто по щелчку пальцев – рисунок вдруг поехал, сила хлынула куда-то в сторону, как все та же река, нашедшая брешь в плотине.

Причина оказалась банальной: Грань призвала целителя прямо сейчас, не дожидаясь конца ритуала. Думать было некогда. Причуда богов, насмешка судьбы, что именно я вела ритуал и именно мой собрат по силе оказался слабым звеном.

Хорошо, что на этом этапе уже стало не важно, какая кровь пульсирует в венах участника: призыв огласили, оставалось держать энергетические потоки и дожидаться вердикта богов. Посчитают ли они нашу просьбу достойной ответа или решат игнорировать игры расшалившихся детей?

Быть узлом сетки и фокусом силы одновременно казалось... странным. Пожалуй, окажись у меня чуть меньше опыта, и на волоске повисла бы не только вся затея, но жизни тех, кто собрался в этот момент на площади. Интересно, Владыка намеренно подсунил нам чуть живого старика – в надежде, что ритуал сорвется? Вряд ли. Он не мог не знать, что такой разрыв приведет к разрушительным последствиям, и, по крайней мере, постарался бы убраться подальше, а светлый стоял рядом с Валлендором и с ненавистью в глазах наблюдал за нами.

Мысль мелькнула – и пропала, унесенная тонким ручейком оставшейся силы. Поток иссяк, знаменуя окончание ритуала – а в следующее мгновение меня окутала темнота.

...Пробуждение оказалось странным и даже почти приятным. Во-первых, не чувствовалось боли, а чувствовалась странная пружинистая легкость во всем теле, почти эйфория. Во-вторых, удобным было положение в пространстве – я полусидела, опираясь на широкую мужскую грудь, поддерживаемая сильной мужской рукой. Не знаю уж, как я определила в полубессознательном состоянии, что это был именно мужчина, может, просто говорила память тела, а, может, запахи.

Додумать, что «в-третьих», я не успела: от виска к виску голову прошил острый разряд боли, и меня окончательно вышвырнуло в реальность, даже глаза открылись сами собой. Первое, что я увидела, – напряженный взгляд менталиста, кончики его пальцев лежали у меня на висках. Когда я открыла глаза, он удовлетворенно кивнул, и хмурая складка между бровей чуть разгладилась, а потом над головой прозвучал голос того, кто служил мне опорой. Очень, к слову, приятный голос – низкий, вкрадчивый, бархатистый, очень... мужской.

– Знаешь, красавица, направляясь сюда, я даже не подозревал, что это настолько... увлекательно, – с иронией проговорил он. Я запрокинула голову, насколько позволяло плечо говорящего, и скосила взгляд, чтобы встретиться со взглядом дымчато-серых, жутковато-прозрачных глаз. Сейчас в них плескалась насмешка, но общего впечатления это не

исправляло, даже наоборот, усугубляло мрачный пугающий образ. – Если соберешься когда-нибудь проверить что-то подобное, какой-нибудь древний ритуал или зловещий обряд на крови – чур, я первый в очереди на участие!

– Обязательно, – проворчала и завозилась, пытаюсь самостоятельно сесть и оглядеться. Хаосит помог мне воплотить задуманное, придерживая обеими руками за плечи, и только после этого, удостоверившись, что я не падаю, убрал ладони.

Мы вшестером находились внутри ритуального круга, от целителя не осталось даже одежды, как будто его здесь не было вовсе. За невидимой чертой толпились свидетели ритуала, я опознала в первом ряду шестерых знакомых целителей. Встретилась взглядом с Валлендором – и тот вздохнул с явным облегчением, а симпатичное лицо озарила искренняя и немного шальная улыбка.

Таналиор со мной на руках находился в центре, рядом на коленях стоял менталист. Не менее злой и мрачный, чем до обряда, а сейчас еще и бледный, какой-то осунувшийся Фель также сидел рядом на корточках, разглядывая меня с отстраненным интересом, а молоденький вещевик и угрюмый пространственник, стоящие за спиной менталиста, нависали сверху.

– Так. А почему мы в круге, и сюда еще не добрались целители с проверкой? – уточнила я. Спрашивала скорее у себя, но ответил хаосит:

– Остаточный фон, некоторое время в этот участок пространства ничто не сможет попасть извне и ничто не сможет выскользнуть наружу. Это ненадолго.

– Да, действительно, – пробормотала я, энергично растирая обеими руками лицо. – Слушай, раз ты такой умный, объясни, почему при равном с ним резерве ты бодр и полон сил, а мы тут все выжаты до капли? – Я красноречиво кивнула на стихийника, да и едва успевшие восстановиться крохи моей силы выпил круг. Тем удивительней было неплохое в целом самочувствие.

Впрочем, чему удивляться? Если мы живы, если ритуал прошел удачно, значит, боги одобрили наши действия и расчет оказался верен. А если так, богам не составило большого труда поддержать нас крохой силы. И в связи с этим мне стало крайне любопытно, чем им так не понравился старик, которого пришлось заменить мной? Решили, раз я это придумала, так мне и расхлебывать, и нечего валить с больной головы на здоровую? Или все-таки случайное совпадение?

Когда какое-то дело напрямую связано с богами, в возможность случайностей сложно поверить.

– Потому что в отличие от вас всех, – с довольной ухмылкой ответил хаосит, – я разбираюсь в ритуальной магии, регулярно практикую и отношусь к ней с большой симпатией.

– А, ну да. Черная Ель. Кого спрашиваю, в самом деле, – усмехнулась я, а маг удовлетворенно кивнул:

– Именно. Поэтому – прими мое восхищение, ты очень грамотно сработала. Не сориентировалась бы, и нас всех размазало бы... по очень большой площади, так, что опознавать было бы некого. И некому.

– Я старалась, – нервно хмыкнула я и предприняла вполне успешную попытку подняться на ноги. Правда, с сильной мужской помощью – хаосита и, к удивлению, Феля, подхватившего меня под другой локоть. – Спасибо, мальчики, – пробормотала, пережидая дурноту и черные мушки перед глазами.

Бельфенор Намиаль Маальт-эль из корней Серебряного Дуба

Рисунок ритуала напоминал пиявку. Жирную, здоровенную, ненасытную пиявку, которая жадно тянула все доступные силы. Сосредоточенный на борьбе с этим процессом и на попытках хоть как-то контролировать отток магии, я не замечал, что происходило вокруг, и сумел оглядеться только тогда, когда все закончилось. Меня пошатывало от слабости – давно я не чувствовал себя настолько истощенным, но Грань пока не звала, и это внушало некоторый оптимизм. Весьма жалкий, к слову, и совсем не помогающий встречать перемены не то что радостно – просто спокойно. Стоило вспомнить, что это был за ритуал и каковы его последствия лично для меня, и радость от собственного присутствия в мире живых заметно померкла.

Пока менталист приводил в сознание вырубившуюся Тилль, Тай успел с огромным удовольствием присесть нам на уши и толкнуть подробную лекцию о действе, в котором присутствующим довелось поучаствовать и посчастливилось выжить. Обычно раздражающие менторские наклонности друга, которые тот почему-то не спешил применять по назначению (в смысле, заниматься воспитанием детей – что своих, что чужих), в этот раз оказались весьма кстати. В отличие от всех нас, этот маньяк от магической науки был полон энтузиазма, искренне восхищен последними событиями и буквально фонтанировал жаждой деятельности, а во время ритуала не только отчаянно цеплялся за реальность, но все делал вполне осознанно.

Надо ли говорить, как раздражала его довольная физиономия и полная силы аура на фоне собственного полуживого состояния! Причем для разнообразия раздражала всех, за исключением, пожалуй, мальчишки-вещевика, который был напуган еще сильнее, чем до ритуала, и ни на что, кроме собственного страха, отвлечься не мог. По-моему, он думал, что во время ритуала нас всех должны убить с особой жестокостью, и до сих пор не мог поверить, что это не так.

Впрочем, ничего принципиально нового Тай из ритуала не вынес, просто подтвердил изначальные предположения. Да, мы привязаны к этой земле. Да, покинуть ее не можем, и действительно умрем на границе. Смерть эта ничего не изменит: стена как стояла, так и будет стоять. Насколько ее хватит, спрогнозировать хаосит не мог, требовались, как он выразился, «более предметные исследования», но был уверен, что срок измеряется веками, если не тысячелетиями. Просто потому, что стену возводили не наши скромные персоны, а боги, к которым обращался ритуал. Ну или магические первоосновы мира, грань там очень тонкая.

Пространственник даже вскользь заметил, что, если сосредоточится, может эту стену почуять. Далеко и смутно, но прежде такого точно не было.

Объяснил нам Таналиор и причину обморока Тилль. Признаться, первой в голову пришла мысль, что Владыка подсунул нам издыхающего целителя с тонким расчетом, не учтя только участия в ритуале сестры по силе. Но своим присутствием он опровергал это предположение, зато вызывал новый вопрос: а не хотел ли некто подобным образом устранить именно его? Способ, правда, очень уж сложный, можно придумать и попроще, но... вдруг попроще не сработает? И доказать ничего нельзя, несчастный случай, а живых свидетелей нет.

Даже жалко, что ничего не получилось. Нет, я понимаю, что я бы в случае успеха

позлорадствовать не смог, но все равно – жалко.

Вокруг очерченного остаточной магией круга собралась встревоженная толпа, причем я готов был отдать правую руку или даже голову на отсечение, что беспокоило их всех единственное существо в нашей компании – лежащая в обмороке женщина. Но испытывать по этому поводу неудовольствие казалось по меньшей мере глупым и невежливым: мы все-таки враги, с чего бы им о нас волноваться?

Тилль, к слову, во вторую нашу встречу выглядела заметно приличней, чем в первую. То ли подготовилась к официальному мероприятию, то ли вчерашний внешний вид имел какие-то весомые причины, но сегодня на оборванку она уже не походила. Хотя выглядела все равно странно, а ноги по-прежнему оставались босыми. Из всего наряда безоговорочное одобрение вызывал только глубокий вырез блузы, а вот режущая глаз яркая пестрота раздражала. Впрочем, последнюю местные, похоже, любили все без исключения, а покрой наряда был общепринятым и... видимо, все-таки парадно-выходным: большинство женщин вокруг оделось подобным образом. Очевидно, принарядились к празднику. И я уже сомневался – а лучше ли это аляпистое пестроцветье прежней серой обшарпанности?

Но это все лирика, а полезная мысль имелась всего одна: необходимо прояснить, как местные правители планируют ограничивать наши перемещения, и планируют ли вообще. Если нет, то можно и не пытаться привыкать к здешним обитателям, а воплотить в реальность недавние мысли о глухом, насколько это возможно, уголке. Я помнил карту этих земель, что назывались нынче Красногорьем, – глухие леса здесь вполне можно было найти.

На этом мои размышления прервались, потому что остаточный фон ритуала наконец-то развеялся или, если точнее, выровнялось давление магических полей внутри периметра и за его пределами, и нас смела радостная толпа. Сильнее всего досталось Тилль, но нас всех тоже куда-то поволокли. Сопротивляться казалось попросту бессмысленным: во-первых, на полноценное сопротивление не осталось сил физических и душевных, а во-вторых, мне все равно особо некуда было теперь идти.

Навалились апатия и какое-то унылое безадресное отвращение ко всему и сразу. Не столько к местным и этому городу, сколько к миру в целом, к богам, а главное, к Владыке.

Забавное ощущение, когда за считанные дни ты... буквально перестаешь существовать. Во всяком случае, в том виде, в каком себя знал. Имелись какие-то убеждения, ценности, честь и готовность за нее умереть – приказали наступить ей на горло и жить. Был привычный, знакомый с детства мир – пинком вышвырнули в другой – чуждый, враждебный и малоприятный. И вновь пришлось потоптаться по собственной чести и отправиться жить среди врагов, потому что приказ и присяга превыше всего. Причем жить не на положении пленника – что-то не спешили нас волочь в тюрьму – а на положении поселенца, то есть во второй раз предателя всего того, во что я когда-либо верил и ради чего когда-либо жил. Была земля – родная, живая, которую я чувствовал до последнего ростка, а теперь... сложно привыкнуть к мысли, что для меня она навсегда потеряна. Если дереву подрубить корни, оно неизбежно погибает, и я сейчас чувствовал себя тем самым деревом.

Только вот по-настоящему умереть не получалось. Да и, честно сказать, не очень-то хотелось. Жить нужно хотя бы назло врагам, чтобы они смотрели на твою довольную рожу – и исходили ядом от бессилия что-то изменить. Доставить удовольствие Владыке и сдохнуть? Да не дождется!

Но общей отвратности состояния и настроения эти мысли, увы, не умаляли. Требовалось сбросить эмоциональное напряжение, хотя бы подраться, но тут свою роль

сыграла апатия. И я поплыл по течению.

Вскоре обнаружил себя в довольно странном и неожиданном положении. В нескольких метрах впереди горел высокий костер, точно такие же пытались разогнать сгущающиеся над портовой площадью сумерки. На некотором отдалении от костров были расставлены столы, кажется, вынесенные из домов. Над площадью плыли запахи жареной рыбы, горелого масла, сырого лука и еще десяток трудно опознаваемых и слишком тусклых на фоне прочих – и я вдруг вспомнил, что не ел со вчерашнего утра. Воздух наполняли оживленные голоса, и быстрый местный говор сливался в сплошной фон, периодически нарушаемый то взрывами хохота, то непонятными громкими восклицаниями, то наборами звуков, которые издавали музыканты, настраивая свои инструменты.

Вокруг костров сидели местные. Кто на узких деревянных лавках, кто просто на камнях. Владыка из моего поля зрения исчез, зато буквально в паре метров в стороне обнаружился Валлендор со своими соратниками. А рядом со мной на скамейке восседал чем-то до неприличия довольный Тай.

– Чему ты так радуешься? – поинтересовался я.

– Да ты по сторонам посмотри, – и он широко повел рукой.

– Празднуют, я вижу. Мне не очень понятно, что именно празднуешь ты?

– Я не праздную, я наблюдаю. Посмотри, какие изумительные образчики поведения! Обрати внимание, насколько точное им было в свое время дано название – «дикие». Согласись, в этом есть свое первобытное очарование, – с явным удовольствием пояснил друг. Как раз в этот момент какая-то девочка-подросток торопливо сунула нам в руки по тарелке, а степенная гномка, следовавшая за ней, сняла с подноса и выдала по объемистой кружке. На тарелке лежало то, чем, собственно, пахло вокруг: мелкая жареная рыбешка, половина сырой луковицы, несколько вареных картофелин.

– Да уж, – пробормотал я, заглядывая в емкость и принимаясь. Из кружки отчетливо пахло спиртом, какими-то травами и ягодами, и я задумчиво отхлебнул. Пойло оказалось достаточно крепким и неожиданно приятным на вкус, так что я сделал пару больших глотков и, окончательно плюнув на все, закинул в рот рыбешку.

А что, тоже неплохой способ выразить окружающему миру собственный протест.

– Кхм. Фель, ты помнишь, что магам противопоказано напиваться? – задумчиво уточнил Тай, когда за рыбешкой последовало еще несколько жадных глотков.

– Помню, – отозвался я. – Только я сейчас, как ты можешь видеть, почти не маг, резерв на нуле, и потерять над чем-то контроль я технически не способен: нечего контролировать.

– А мозги? – уточнил он, смерил меня взглядом и тяжело вздохнул. – Впрочем, у кого я спрашиваю! Где огневики – а где мозги... Фель, давай ты хотя бы не пойдешь бить морды без разбора всем диким, а?

– Я пока вижу одну морду, которую мне хочется набить, и она принадлежит светлому, – мрачно огрызнулся, выразительно глянув на друга.

– Ладно, я понял, ты решительно настроен запить горе, – смирился он. – Но завтра, проснувшись с больной головой в незнакомом месте, пожалуйста, не задавай мне вопросов из разряда «почему ты меня не остановил», договорились?

– Договорились, – легко согласился я, и на этом Тай наконец-то оставил меня в покое.

В глубине души я вполне отдавал себе отчет, что поступаю глупо, но сидеть и молча пялиться на огонь сейчас было хуже. Да, алкоголь давал мнимое забвение и еще никого никогда не спас, но сейчас мне требовалось хоть как-то переключиться. Когда рушится мир,

нужно уцепиться хоть за что-то, пусть даже этим якорем будут тяжелое похмелье, попытки выяснить собственное местоположение в пространстве или какие-то еще закономерные последствия разгульной пьянки. Вопрос «как избавиться от этих мерзких ощущений» гораздо предпочтительнее вопроса «как жить дальше» по очень простой причине: он решаем.

Впрочем, до этого еще было далеко, а пока пропорционально выпитому выправлялось мое настроение. Пойло оказалось вкусным, от него не мутило, лишь слегка шумело в голове, а в теле поселилась приятная легкость. Еда... вкус ее сейчас волновал меня мало, а для задачи «набить брюхо» она годилась идеально. Яркие наряды местных уже казались забавными, музыкальные ритмы – оригинальными и интересными, говор – не речью слабоумных, а почти музыкой. Пляшущее неподалеку пламя согревало не столько снаружи, сколько внутри – там, где пару часов назад бушевало пламя родной стихии, а сейчас едва теплилось что-то невнятно-жалкое.

И вскоре я с удовлетворением понял, что даже перевыполнил поставленную задачу: не просто отвлекся от мрачных мыслей – мне стало хорошо. Спокойно. Наверное, потому, что мыслей в голове не осталось вовсе, она легко и непринужденно наполнилась отзвуками голосов и алкогольными парами.

Начались танцы. Странные и – да, дикие, но по-своему интересные. Чем-то они напоминали пляску огня и сейчас казались мне почти родными. Женщины – во всяком случае, те, на которых я фокусировал взгляд – красиво изгибались в такт музыке, мужчины весьма смело и даже откровенно обнимали партнерш. Некоторые из них тоже танцевали, другие двигались так, что это походило на красивый постановочный бой, третьи – просто притопывали и прихлопывали.

– Тилль, станцуй! – воскликнул вдруг в минуту тишины какой-то мужской голос, и его просьбу неожиданно подхватили соседи. Я с иронией подумал, что эту эльфийку здесь любят даже больше, чем Валлендора – знать бы еще почему! – а потом ее все-таки вытащили-вытолкали в круг.

В том, что танцевать – в местном представлении – она умеет, я не сомневался. Иначе не оживились бы так окружающие и не притихли, когда Тилль, демонстративно закатив глаза, махнула рукой, мол, ладно, уговорили. Так что за происходящим наблюдал с возрастающим любопытством, пытаюсь угадать или вспомнить, кто же такая эта светлая? Ни о каких примечательных женщинах в окружении Валлендора я прежде не слыхал, а эту там явно любили так же, как в среде прочих аборигенов. Причем если последнее еще можно было объяснить целительскими способностями, то первое – уже вряд ли.

Эльфийка сказала что-то музыкантам, отдала одному из них на хранение свою ленточку и, встряхиваясь, покачивая бедрами, на цыпочках прошла в центр освобожденного для нее круга. А потом...

Если прежние танцоры лишь походили в своих движениях на живые языки пламени, то Тилль – была им. Не замирая ни на секунду, ни разу не повторившись, она легко скользила над истертой брусчаткой. Изящная фигурка изгибалась, приковывая к себе внимание и заставляя забыть обо всем, юбка вихрилась вокруг стройных ног, то целомудренно скрывая их до лодыжек, то – обнажая совершенную линию бедер.

Казалось, во всем мире не существует больше ничего, кроме завораживающего танца. Даже пламя в моих венах пульсировало в его рваном сумасшедшем ритме, а дыхание вырывалось из груди в такт взмахам тонких женских рук. Это было похоже на магию –

движения гипнотизировали, поработали, стирали реальность.

Когда Тилль вдруг замерла на тревожной ноте и сделала приглашающий жест рукой, будто вызывая невидимого партнера, я поднялся с места без раздумий. Мельком с некоторым удивлением заметил, что поднялся почему-то только я, хотя, кажется, призыв был адресован решительно всему окружению. Тай окликнул, попытался удержать, но я в ответ сунул ему в руки пустую кружку.

Плевать. На все было плевать. Прежде послушное пламя сейчас больно жалило и торопило, подначивало – не думай! не останавливайся! – А когда мои руки поймали гибкий стан, последние остатки здравого смысла и самоконтроля оставили меня.

Наверное, алкоголь все-таки заставил потерять власть над стихией, только выразилось это... странно.

Тилль

Это было очень странное ощущение – вдруг вновь в какой-то момент начать жить. Не просто двигаться и говорить, а испытывать яркие, настоящие, сильные положительные эмоции. Возникло чувство, будто меня выпустили из сырого тесного подвала в свежий весенний лес и я наконец-то могу дышать полной грудью.

Желание убить Кира за его неуместную просьбу и всех остальных – за неожиданно энергичную поддержку этого бреда выветрилось уже очень давно, вытесненное полузабытым стремлением быть и чувствовать. Просто – быть. Быть огнем, быть порывом ветра, быть ускоряющимся пульсом музыки...

Я поначалу даже не сообразила, что уже не одна в круге света: прикосновение сильных горячих мужских ладоней, тепло чужого тела рядом оказались настолько уместными и так ровно легли в пламенный ритм танца, что, казалось, сама музыка воплотилась рядом со мной, чтобы в нужный момент поддержать и продолжить мое движение.

Потом все-таки поняла, что танцуем мы уже вдвоем, но это было настолько правильно... Любопытство не то что сгорело в огне страстной мелодии – оно даже не родилось. Смелые прикосновения обжигали сквозь тонкую ткань блузы и заставляли гореть ярче, хотеть большего. Юбка пенной волной обвивала наши ноги, то отдаляя друг от друга, то захлестывая и на доли мгновения связывая, прижимая непозволительно близко – так сладко, так жарко...

Музыка оборвалась своевременно, но все равно внезапно. Хотелось продолжать танец, пусть и без нее, но мы оба замерли, как околдованные. Моя ладонь в его ладони, мои лопатки прижаты к его груди, бедра – к его бедрам. Вторая ладонь партнера накрывала низ моего живота, прижимая крепко, почти непристойно, но желанно и удивительно органично.

Несколько мгновений висела настороженная тишина. Не двигались не только мы, попросту не способные шевельнуться без приказа музыки, зрители тоже заворуженно молчали. А потом тишина как-то вдруг взорвалась аплодисментами, одобрительными возгласами, радостным свистом. Нас обступили, кто-то что-то восторженно говорил, я улыбалась и кивала, даже отвечала, а сама по-прежнему не могла шевельнуться в плену чужих рук. Или просто не хотела?

Вновь зазвучала музыка, вокруг началось движение – чужое, постороннее – но для нас это послужило командой «отомри». И то лишь отчасти, потому что объятия партнер не разомкнул, да я и не настаивала на этом. Только развернулась в его руках, чтобы все-таки выяснить, кто же так удачно составил мне пару. И замерла, зацепившись взглядом за

белоснежные волосы, разметавшиеся по плечам. Медленно-медленно, отказываясь верить, подняла взгляд выше – и встретила с пристальным, немигающим, горячим взглядом темно-красных глаз, наполненных тем самым пламенем, что горело в моей крови минуту назад. Я не видела их цвета в зыбком свете костра, но прекрасно помнила.

– Ты?! – выдохнула растерянно и почти беззвучно, но он все равно почувствовал на фоне гремящей музыки и звенящих голосов. Только почему-то не стал остерить и язвить, медленно кивнул, вглядываясь в мое лицо. А потом вдруг наклонился – и поцеловал, а свободная ладонь легла мне на затылок, придерживая и не давая отстраниться.

Впрочем, зачем себя обманывать? Я даже не подумала, что можно это сделать, и в ту же секунду ответила со всем жаром, еще теплившимся внутри. Чувство было такое, будто на раскаленные угли плеснули спирта. Мы целовались как безумные, жадно и страстно, от возбуждения темнело в глазах. Туманивший голову хмель смешался с иссушающей жаждой, и любые сомнения и разумные мысли отступили под напором желаний тела. До дрожи, до мучительной боли в груди, до зуда в пальцах хотелось сорвать мешающие тряпки, почувствовать его ладони на своем теле. Сейчас было наплевать, кто мы друг другу, и вообще. Главное, я особенно остро ощущала, что унять этот пожар может единственное существо в целом мире, что только в этих руках я... воскресну?

Странное и неожиданное слово пришло откуда-то извне – или наоборот, из глубины бессознательного. Я сейчас плохо понимала, что оно значит, потому что чувствовала себя живой как никогда, но именно это слово подстегнуло меня, заставило отстраниться, перехватить Феля за руку и увлечь прочь из толпы, к темнеющим вокруг силуэтам пустых зданий. Последние остатки самообладания требовали, чтобы мы хотя бы укрылись от посторонних глаз, не надеясь на более разумное поведение, и я точно знала, что там можно это сделать. В порту не было жилых домов, только склады – разрушенные и уцелевшие – здание управления порта, еще что-то... сейчас я не хотела об этом вспоминать, каждая секунда промедления отзывалась во всем теле без преувеличения болью.

Никогда в жизни не думала, что желание может быть... таким, и никогда ничего не хотела так сильно. Это желание составляло почти всю мою сущность, не оставляя места ничему другому.

Мы взбежали по ступеням и через низкую арку без двери вступили в пахнущий пылью сумрак. Я попыталась сориентироваться в пространстве и понять, куда стоит двигаться дальше, но тут уже Бельфенор оставил роль ведомого, рывком развернул к себе и впился в губы поцелуем, вжимая своим телом в стену. Его руки суматошно, торопливо боролись с моей юбкой, пытаясь нащупать край подола и добраться до тела, я же упрямо теребила ворот его рубахи, никак не желающий поддаваться. Мгновенное просветление позволило сообразить, что там попросту нет пуговиц, и я, чуть не плача от злости и отчаянья, рывком дернула полы вверх, освобождая из-под ремня, и с невероятным наслаждением прижала ладони к гладкой теплой коже. Мужчина издал невнятный хриплый звук – не то застонал, не то выругался – и в этот момент юбка наконец-то поддалась, и я почувствовала его руки на своих бедрах. Фель легко приподнял меня, теснее прижимая к себе, заставляя раскрыться, а я крепко обхватила его ногами за талию и настойчиво потянула рубашку вверх.

На несколько мгновений прервав поцелуй, он сбросил одежду, и та контрастно-белым ярким пятном легла на темный пол, а через мгновение я почувствовала легкое возмущение магического поля – простенький поисковый импульс. Вновь вернувшись к моим губам, Фель отстранился от стены и, слепо шаря по ней рукой, двинулся вбок, одной рукой придерживая

меня: видимо, ответ импульса ему помог. А я, одной ладонью держась за мужские плечи, второй торопливо расстегивала собственную блузу, чтобы избавиться и от нее. Это получилось удивительно быстро.

Обо что-то споткнувшись и тихо выругавшись – это что-то покатило по полу с гулким металлическим грохотом – мужчина наконец нащупал дверь и толкнул ее. Благо, та открывалась в нужную сторону и подалась под моими плечами.

Не знаю, что это за комната – здесь оказалось так же темно и пусто, как и в предыдущей, разве что по ощущениям она была значительно меньше. Еще здесь обнаружилась мебель. Фель усадил меня на стол и, освободив руки, торопливо занялся собственным ремнем...

Процесс интимной близости мужчины и женщины во все времена наделялся чертами более возвышенными, чем совокупление животных. Говорили о духовной близости, о слиянии душ, придумывали десятки поэтичных названий, и особенно старались в этом мои сородичи, всегда воспевавшие красоту природы и всех ее проявлений: «прогулка по звездной дороге», «прикосновение к вечности», «танец жизни», «пробуждение весны». Люди выражались проще, они называли это «заниматься любовью».

А вот в том, что сейчас происходило между нами, не было совсем ничего возвышенного, да и с любовью этот процесс никак не связывался. Гораздо лучше подходило грубое и бесцеремонное слово «трахаться», кажется, калька с орочьего, или какое-то другое обозначение из области совсем уж ненормативной лексики.

Фель двигался во мне глубокими сильными толчками, до боли сжимая ладонями ягодицы, а я впивалась ногтями в его плечи, рвано стонала и не просила – требовала не останавливаться, еще и еще, содрогаясь от прокатывающихся по телу волн наслаждения. До тех пор, пока удовольствие не затопило меня до радужных искр перед глазами, отозвавшись эхом низкого хриплого мужского стога.

На некоторое время мы оба замерли. Я уткнулась лбом в прохладное плечо, обняла его за талию отчего-то ватными ослабевшими руками, и, не переставая, вздрагивала и ежилась – не то от отголосков ощущений, не то от зябкого вечернего воздуха, который буквально только что казался раскаленным. Фель одной рукой упирался в стол, второй – обнимал меня, а его теплое учащенное дыхание щекотало и грело мое ухо.

Потом он мягко отстранился, но вместо того, чтобы одеться и уйти (мысль об этом вяло и как-то очень грустно шевельнулась у меня в голове), принялся, насколько я могла слышать, раздеваться дальше.

– Что ты делаешь? – Я наконец вспомнила, что рот существует не только для поцелуев, но может выполнять другую полезную функцию. Вопрос не слишком умный, но думать сейчас мозг отказывался, в голове царил вязкий плотный туман.

– Раздеваюсь, – предсказуемо отозвался светлый и через мгновение потянул меня к себе, вынуждая слезть со стола. Привлек в объятия, но не просто так: длинные ловкие пальцы без особого труда нашли застежку юбки, и я зябко вздрогнула, оставшись совсем без одежды. – Замерзла? – мягко спросил Фель, обнимая меня обеими руками.

– Немного. Сыро, холодно, – честно призналась я.

– Сейчас я тебя согрею, – с тихим предвкушающим смешком пообещал – или все-таки пригрозил? – он и начал медленно прокладывать дорожку из поцелуев вниз по шее. Не солгал: согрелась я почти сразу.

Во второй раз все произошло иначе. Сладко, медленно, тягуче, до слез остро.

То ли звезды на небе вдруг встали по-особому, то ли стоило благодарить самого Феля – не знаю, но я даже не пыталась что-то вспоминать и с чем-то сравнивать. Просто точно знала, что так хорошо мне не было никогда прежде. Огневик оказался изумительным любовником – страстным как пламя в его крови и чутким настолько, что впору подозревать его в умении читать мысли.

Двух раз тоже показалось мало.

Когда мы наконец насытились и улеглись на полу на юбке, я уже окончательно потеряла счет времени и, кажется, потерялась в пространстве. Эльф самоотверженно вызвался послужить мне не только подушкой, но еще и матрасом, позволив устроиться у себя на груди. Благо, он был существенно выше и шире в плечах, и в таком положении я чувствовала себя достаточно комфортно. Слушая размеренный стук его сердца, я заснула, а вернее – попросту отключилась.

Разбудило меня ощущение холода. Я лежала на боку на полу, холод пытался добраться до костей и проморозить насквозь, а единственной преградой ему служило тепло чужого тела: кто-то большой и почти горячий обнимал меня со спины. Некоторое время пыталась сообразить, что вообще происходит, где я нахожусь и как сюда попала, причем открытые глаза никак не помогли установлению истины. Тусклый рассеянный свет, просачиваясь непонятно откуда, наполнял небольшую комнату. Пахло мускусом, какими-то цветами и чем-то еще непонятно-сладким, похожим на перезрелые фрукты; душный теплый запах, очень знакомый и никак не вяжущийся с ледяным полом под боком.

Я поежилась от пробежавшей по телу мелкой дрожи. Обнимавшая меня тяжелая мужская рука вздрогнула в ответ, на мгновение рефлекторно напряглась, прижимая к твердому телу – а в следующее мгновение нас обоих будто окутало невесомое пушистое одеяло, защитив от промозглой утренней сырости. Я тихонько пробормотала что-то благодарное, вновь попыталась задуматься о происходящем, но глаза уже закрылись сами собой, и сон вновь заключил меня в свои объятия.

В следующий раз я проснулась уже от невнятной возни рядом и от ощущения, что мне тяжело дышать. Также завозилась, пытаясь отвоевать немного воздуха, и сообразила, что я просто лежу, уткнувшись лицом в мужскую грудь. Пару секунд недоверчиво ее разглядывала, пытаясь вспомнить, откуда она взялась, а потом, опомнившись, перевела взгляд выше, на лицо ее обладателя – и встретила взглядом темно-красных, почти вишневых глаз.

Воспоминания вечера и ночи нахлынули тяжелой жаркой волной, издевательски отчетливые и безжалостно приятные. Тело отозвалось на них сладкой ломотой в мышцах и легким тянущим ощущением внизу живота, отголоском вчерашнего желания. А вот разум... тот пребывал в тихом шоке и пока не мог – или просто боялся? – осмыслить произошедшее.

Некоторое время мы лежали неподвижно, молча глядя друг на друга, и в вишневых глазах я видела отражение собственных эмоций. Никто не решался первым нарушить тишину и хоть что-то сказать. А что говорить? Предъявлять претензии? Можно подумать, вчера кто-то кого-то заставлял или тянул силком! Где там, вцепились друг в друга, как голодающий в краюху хлеба, и... оторвались по полной. Нет, я могла ожидать от Бельфенора обвинений, но что-то он не торопился ругаться.

Тогда же ждал моего возмущения и скандала?

– Что будем делать? – в конце концов, не выдержав тишины, уточнила я. Голос звучал сипло, в горле саднило. Жалко, что эльфы не подвержены простудам, не получится списать сорванный ночью голос на временное недомогание.

Фель, чья рука до сих пор – видимо, чисто машинально – продолжала обнимать мою талию, а кокон согревающих чар защищать от ледяного пола, медленно пожал плечом.

– Есть несколько вариантов, предлагаю самый простой: сделать вид, что ничего не было, – так же хрипло предложил он.

– Согласна, – поспешно кивнула я, садясь и пытаюсь распутать пальцами волосы. Мои черные и его белые пряди за ночь причудливо переплелись, и яркий контраст выглядел потрясающе эффектно. Правда, мысль об этом я поспешила отогнать подальше, а лучше – вовсе выкинуть из головы. – И никому ни слова.

– Согласен, – не стал он спорить. Тоже сел, помог мне освободиться, пятерней пригладил волосы, убирая их с лица, и огляделся по сторонам. Интересно, куда и когда подевался его хайратник? – М-мать Природа... – выдохнул он с такой интонацией, с какой обычно принято употреблять совсем другие слова. Я вскинулась, ожидая встретиться взглядом с каким-нибудь лишним свидетелем происходящего – и тоже замерла, в шоке разглядывая стену перед собой.

Лучше бы это был свидетель!

– Мы что, правда... – медленно проговорила я, с трудом фокусируя взгляд на светлом. – И вчерашний стол был...

Фель выглядел ошарашенным и даже почти напуганным, я сама – подозреваю, и того хуже.

Мы сейчас находились в том самом храме Всех богов, перед которым вчера совершался ритуал. Хуже того, в этом храме мы провели всю весьма насыщенную ночь. И ладно бы просто в храме! Мы не нашли ничего умнее, как провести горячую ночь пред ликом хаоса. И ладно бы просто перед ликом...

Я вчера кончала, выдыхая имя этого почти чужого мне светлого, на алтаре фатума: хаос отвечает за судьбу.

От этой мысли стало жутко, засосало под ложечкой и отчаянно захотелось стереть из памяти ближайшие сутки. С другими богами еще можно договориться и надеяться, что пронесет, а судьба всеведуща, и такого осквернения своей святыни не простит. Звезданет ответным ударом так, что мало не покажется...

– Может, они вчера смотрели в другую сторону? – жалобно пробормотала я. Фель криво усмехнулся и бросил взгляд на пару эбонитовых статуй с глазами из серого дымчатого кварца.

Двенадцать наших богов отвечают за разные силы, из которых сплетен мир, и за сферы жизни попарно: мужчина и женщина, супружеская чета, уравновешивающая недостатки друг друга. Существовали свои каноны изображения их всех, но алтари неизменно были парные, отдельно никого из богов никто не рассматривал – только в единстве противоположностей, в балансе мужского и женского. Только в паре Ната и Таны, покровителей жизни, женщине отводилась более выраженная созидательная роль, Тана отождествлялась с Матерью-Природой, а Нат – со смертью и перерождением как с одним из неотъемлемых этапов жизни.

Покровители хаоса бесстрастно глядели на нас. Мужчина – Дар – левой рукой приобнимал за талию свою супругу Раду, а сжатую в кулак правую ладонь, перевернутую тыльной стороной вверх, простирал над алтарем – простым деревянным столом. В правой руке Рады лежал тугий свиток, в котором, по легенде, описан конец этого мира, а левую богиня держала над алтарем, только ладонь ее была сложена лодочкой и обращена кверху.

Считается, что судьба – это слишком личное дело, чтобы обсуждать его и даже

обдумывать при посторонних, поэтому чета покровителей хаоса всегда стоит обособленно от прочих, зачастую – вот в таких уединенных комнатах. На стол принято ставить специальную чашу, в которую изредка кладутся дары, если хочется поблагодарить за удачу, но чаще – предметы, олицетворяющие просьбу или вопрос к богам. Чаша же обычно стоит при входе, и для общения с богами нужно для начала аккуратно омыть ее в холодной воде.

Я почти не сомневалась, что предмет, грохотавший вчера по полу в центральном помещении, этой самой чашей и был.

– В любом случае, как бы они ни решили нас наказать, это ничего не меняет, – первым взял себя в руки Фель и пружинисто поднялся. Я проводила его взглядом и задумчиво кивнула.

Я ни в коей мере не оправдывала свое вчерашнее поведение, но все же... Все же даже сейчас, утром, в чем-то его понимала. Светлый был хорош. Безупречная физиономия – ерунда, а вот остальное действительно приковывало взгляд.

Большинство сильных боевых магов пренебрегают физической подготовкой, довольствуясь тем, что получили от природы. Да у них обычно и времени на тренировки не хватает, как-то не до того. Сколько я себя помнила, именно поэтому всегда предпочитала воинов без магических способностей, а у Феля было тело именно воина. Сильное, тренированное, при каждом движении под кожей красиво перекачивались мышцы, делая его похожим на какого-то хищного зверя. И если отбросить знание, кем является этот огневик на самом деле (что со мной, собственно, вчера и произошло), ничего удивительного в том, что я обратила на него внимание.

Тряхнув головой, поспешила отогнать наваждение и последовать примеру светлого, который начал одеваться. Довольно, и так уже наворотила столько, что теперь полвека расхлебывать! Надо, как и договорились, сделать вид, что ничего не было, и продолжать спокойно жить дальше.

И никогда, никогда больше не пить!

Пока я предавалась мрачным мыслям и отряхивала запылившуюся юбку, Фель, уже успевший натянуть брюки и сапоги, выглянул в общий зал. Подобрал на пороге мою блузу и вышел, видимо, за собственной рубашкой. Что-то негромко стукнуло, потом звякнуло (кажется, огневик водружал на место чашу), после чего светлый вернулся с добычей, и мы в молчании закончили одеваться.

Вышли наружу и, не стовариваясь, остановились на ступеньках храма. Я полезла в карман (он былшит в юбку сзади, возле копчика, и поэтому не мешал ни во время танцев, ни во время других... развлечений) за портсигаром, а светлый вперила тяжелый неподвижный взгляд в бухту. Солнце еще не поднялось над скалами, и неподвижная вода казалась синей-синей, будто это было не море, а цельный кристалл сапфира изумительной чистоты.

– Будешь? – проявила вежливость, предлагая стихийнику портсигар. Тот в недоумении посмотрел сначала на него, потом на меня и медленно качнул головой. – Зря, – вздохнула я, чтобы сказать хоть что-то.

– Зачем ты куришь? И... ведь это не табак, – проговорил Фель.

– Табак бесполезен и плохо пахнет, а это... поднимает настроение и помогает не рехнуться.

– Заманчиво, – пробормотал он, наблюдая, как я закуриваю. – Только лучше справляться со всем своими силами.

– Лучше. Когда они есть, – кивнула, убирая мятую коробочку, и тихо пробормотала,

скользнув взглядом по площади. – А это еще что?

Чуть в стороне, у устья узкого не то проулка, не то тупичка, собралась небольшая толпа. Переговаривались тихонько, порой бросали по сторонам тревожные взгляды, и у меня вновь засосало под ложечкой от дурного предчувствия.

– Не нравится мне это, – озвучил мои мысли хмурый светлый, и мы, не стовариваясь, двинулись к собравшимся.

– Что случилось? – спросила я у крайних.

– Тилль, привет. – Сонные жители, расступаясь, здоровались, но на вопрос никто отвечать не спешил. Да, впрочем, вскоре я и сама увидела: на брусчатке лежал труп, если точнее – обезглавленное тело, над которым на корточках сидел отлично знакомый мне тип. Который, надо думать, обладал информацией в гораздо большем объеме, чем случайные зеваки, и был куда лучшим адресатом для вопросов по существу. Все-таки, Мельхиор (темные эльфы вообще любят имена, образованные от названий металлов и камней) – наш главный дознаватель.

– Привет, красавчик, – машинально поздоровалась я. – Это что?

– Здравствуй, сладкая, – безмятежно улыбнулся в ответ темный, поднимая на меня смеющийся взгляд. – А это – большая и вонючая куча дерьма, в которую мы все вляпались. Если интересуешься предметно, то это труп светлого Владыки, вон там, чуть в стороне, лежит голова. Убит среди ночи, сюда его притащили откуда-то оттуда, – махнул он рукой в сторону площади. – Есть следы волочения и капли крови, но на площади за ночь все затоптали так, что концов уже не найдешь. Орудие убийства... судя по срезу, рискну предположить, что это боевая струна. Опа! – Взгляд темно-желтых глаз, почти теряющихся на фоне золотистой загорелой кожи, скользнул мне за плечо. Оглянувшись, я обнаружила там Феля. – А вот и потенциальный убийца. Скажи-ка мне, Бельфенор из корней Серебряного Дуба, а ты струной владеешь?

– Продемонстрировать? – недружелюбно огрызнулся Фель, подходя ближе и тоже опускаясь на корточки рядом с тем местом, где у Владыки раньше была голова, а теперь красовался ровный срез шеи.

– Я так, риторический вопрос задал. А алиби у тебя есть, мой грозный собеседник? Про мотив даже не спрашиваю, на твоём месте я бы и сам его убил, причем уже давно. Ну так что, где ты был примерно с часу ночи до трех?

– Ты мне все равно не поверишь, – с нервным смешком ответил светлый. – Так что считай – нет у меня никакого алиби. Зато струна есть. Показать?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Откуда взялся всеобщий язык – достоверно не известно. Считается, что это язык богов, и именно на нем они говорили, когда пришли в мир. Косвенно это подтверждается непохожестью всеобщего на языки отдельных народов – эльфийский, гномский, орочий и человеческий. Собственный язык гризов представляет собой сложную смесь из коротких отрывистых звуков и языка тела, очень беден и далеко не всегда признается отдельным языком. Личные языки живут наравне со всеобщим и не забываются ни одним видом, но распространены, по понятным причинам, значительно уже. На них общаются в основном дома в кругу семьи или, напротив, в некоторых формальных ситуациях и при совершении обрядов.

Эльфы полагают лунный камень символом самопожертвования, верности и терпеливого мужества.